

РФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)

П Е Д А Г О Г И Ч Е С К И Й И Н С Т И Т У Т
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИ
КОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ**

Выпускная квалификационная работа
студентки очной формы обучения
направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй),
5 курса группы 02051104
Исаенко Анны Сергеевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент Морозова Е.Н.

Белгород 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения феномена политической корректности	7
1.1. Понятие «политическая корректность». Истоки возникновения и развития.....	7
1.2. Выражение идей политически корректной лексики в текстах СМИ ...	15
1.3. Эвфемизмы как основное лексическое средство выражения идей политической корректности: определение понятия и основные характеристики.....	18
1.3.1. Понятие «политический эвфемизм»: его специфика, мотивы создания, типы и функции	23
Выводы по ГЛАВЕ I	31
ГЛАВА II. Функциональные особенности процесса формирования и функционирования политически корректных эвфемизмов в СМИ	34
2.1. Явление псевдоэвфемии и языка демагогии	34
2.2. Лингвокультурные особенности языка в рамках антропоцентрического подхода.....	36
2.2.1. Политически корректная лексика, нацеленная на избежание дискриминации по половой принадлежности.....	37
2.2.2. Политически корректная лексика, сформированная по принципу исключения дискриминации по социально-статусным различиям	41
2.2.3. Особенности употребления политически корректных эвфемизмов касательно внешнего вида, возрастной категории и физического потенциала человека.....	50
Выводы по ГЛАВЕ II	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	73
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	74

ВВЕДЕНИЕ

Культурный и языковой феномен «политическая корректность» возник относительно недавно, он является нестандартным и необычным и напрямую зависит от изменений в обществе. Подходы к изучению этого феномена различны, некоторые исследователи считают, что этот феномен обусловлен культурно-поведенческой и языковой тенденцией, другие – языковой толерантностью. Несмотря на довольно широкое распространение, тема политической корректности не получила, на наш взгляд, достаточно полного осмысления в научной литературе, особенно в лингвистических исследованиях. Рассмотрение проблем, связанных с политической корректностью как феноменом, присущим американской культуре, проводится преимущественно исследователями из США. Также нужно сказать, что изучение самого процесса формирования основных средств выражения идей политической корректности - эвфемии является актуальной лингвистической проблемой, поскольку в последние десятилетия процесс образования эвфемизмов протекает с особой интенсивностью. Это объясняется тем, что в настоящее время одним из наиболее важных факторов, способствующих образованию эвфемизмов и их закреплению в языке, является их способность быть мощным средством формирования общественных установок. Эвфемизмы неизменно представляют собой значительный исследовательский интерес. Всё больше увеличивается употребление эвфемизмов в официальных речах политических деятелей. Эвфемизмы в большинстве случаев являются не просто стилистическим синонимом или субститутом некой языковой единицы. Они смещают эмоциональную доминанту и предлагают новую трактовку определенного явления, новый ракурс его рассмотрения, содержат новую морально-этическую оценку явления.

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию явления политической корректности и основных языковых средств ее

выражения в СМИ - эвфемизмов, причин их возникновения, а также изучению функционирования эвфемизмов в наиболее продуктивных сферах общественно-политической деятельности.

Актуальность данного исследования связана, прежде всего, с активным интересом исследователей к изучению языка с позиций антропоцентрического подхода и с недостаточной изученностью политической корректности в лингвистическом и межкультурном аспектах, а также с необходимостью теоретического осмысления феноменов политической корректности и эвфемии и причин их возникновения на материале русского и английского языков.

Объектом исследования являются общественно-политические эвфемизмы в текстах СМИ как элементы культурно-поведенческой и языковой категории.

Предметом исследования выступают принципы формирования, функции и средства выражения феномена политической корректности, в частности эвфемизмы как одно из средств ее выражения.

Цель работы заключается в попытке описать феномен политической корректности в наиболее продуктивных сферах человеческой деятельности, а также исследовать принципы формирования и функционирования эвфемизмов на современном этапе.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучить и систематизировать научную литературу по данной проблеме;
- 2) рассмотреть возникновение феномена политической корректности и установить его роль в мировом сообществе на данный момент;
- 3) определить место политической корректности в текстах средств массовой информации;
- 4) рассмотреть предпосылки и мотивы возникновения эвфемистических замен;

5) определить место и роль эвфемистических субститутов в языке политики, мотивы создания политических эвфемизмов и основы их функционирования;

б) рассмотреть классификации эвфемизмов в различных сферах общественно-политической деятельности.

Теоретической базой исследования послужили работы русских и зарубежных ученых в области эвфемии, в таких отраслях как:

-лексическая семантика (Л.П. Крысин, Н.Д. Арутюнова, Н.Г. Комлев, А.А. Уфимцева и др.);

-прагмалингвистика (R.Spears, Г.Г. Почепцов и др.);

-социоллингвистика (Е.С. Глиос, В.И. Карасик, Е.М. Костомаров, Р. Trudgill , В.А. Хомяков и др.).

Материалом исследования послужила эвфемистическая лексика, отобранная методом сплошной выборки из англоязычных медийных текстов.

В работе использовались следующие **методы** исследования: анализ литературы по исследуемой проблеме; обобщение, классификация, сравнение исследовательских явлений; контекстуальный анализ, концептуальный анализ; метод сплошной выборки.

Практическая значимость: данная выпускная квалификационная может быть использована для написания студенческих статей, подготовки рефератов лингвистической направленности, для написания курсовых работ, а также для подготовки тематических уроков студентами во время педагогической практики.

Апробация работы: материалы исследования нашли отражение в докладе по теме: «Политическая корректность как способ изменения действительности», который был представлен 12.04.2016 на заседании секции «Вопросы коммуникации и когнитивной лингвистики» в рамках дня науки с последующей публикацией в сборнике студенческих статей «Национальные языки и культуры в эпоху глобализации».

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка использованных электронных ресурсов и фактического материала.

Во Введении определяется объект, предмет исследования, актуальность работы, формируется основная цель и задачи работы.

В первой главе освещается исследование феномена политической корректности в лингвистике. Определяется постановка проблемы эвфемистической субституции, рассматриваются и сопоставляются основные понятия и термины, используемые в процессе анализа эвфемистической субституции. Выделяются основные критерии выделения эвфемизмов, типы эвфемизмов, причины и мотивы возникновения эвфемизмов. Затрагивается проблема сфер, подлежащих табуированию. Описывается функционирование политически корректной лексики в СМИ.

Вторая глава посвящена рассмотрению лингвокультурной специфики эвфемизмов в рамках культурно-поведенческой и языковой практики политической корректности. Рассматривается проявление эвфемизмов в различных сферах общественно-политической деятельности и проблема феномена псевдоэвфемии.

В Заключении представлены основные выводы по данному исследованию.

Список использованной литературы включает в себя 51 источник.

Список использованных словарей состоит из 9 источников.

Список источников фактического материала включает в себя 10 электронных адресов действующих Интернет сайтов.

ГЛАВА I. Теоретические основы изучения феномена политической корректности

1.1. Понятие «Политическая корректность». Истоки возникновения и развития

В последнее время наблюдается очень интенсивный процесс англоизации (или точнее - американизации), который переживают сейчас многие давно сложившиеся языки и культуры, при этом носители которых могут относиться к происходящему по-разному, однако этот процесс, похоже, не слишком зависит от воли и мнения отдельных людей и носит вполне объективный характер. В последние годы достаточно активно разворачивается процесс внедрения в европейскую культуру идеологии языкового феномена политкорректности и ее новых терминов. В ходе развития этого процесса само понятие политической корректности постепенно меняется и наполняется новым содержанием.

Уже сегодня, несмотря на отсутствие четкого понимания сущности этого явления культуры, у многих представителей мирового сообщества складывается ироничное отношение к политкорректности как к чему-то не заслуживающему серьезного отношения. В этой связи уместным является напоминание о том, что сейчас как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур.

Как известно, за последние несколько десятков лет во многих европейских странах не переставали появляться все новые сферы ограничений и запретов. Это неизбежно привело к тому, что со второй половины XX века и по настоящий момент в результате целого ряда идеологических изменений в

обществе, стремления к уважению личности, к равноправию как на уровне личности, так и на уровне целой нации появляется значительное количество современных неологизмов, которые образовали целую языковую группу, получившую название «язык политической корректности» (англ. *“Political Correctness”*, сокр. *PC*). На данный момент языковой феномен коммуникативной корректности, так называемой «политической корректности», зародившейся в 70-е годы в США, приобретает все большее значение в западном обществе. Политкорректность – это культурное и языковое явление. С лингвистической точки зрения, данное явление можно считать языковой категорией.

Точное время появления выражения «политическая корректность» по сей день остается невыясненным. По одной из версий данный термин был введен Карэн Де Кроу (*Karen DeCrow*) президентом американской национальной организации в защиту женщин (англ. *National Organization For Women*, сокр. *“Now”*) 1975г. и подразумевает под собой организацию и функционирование речевого поведения таким образом, чтобы избежать дискриминации каких бы то ни было групп населения (национальные и др. меньшинства, мужчины /женщины, инвалиды и т. д.).

Многие принципы языка политики могут сравниваться с принципами «новояза» - *“newspeak”*, который был представлен Дж. Оруэллом в его статьях публицистического характера и знаменитом романе «1984». К ним относятся: 1) уменьшение словарного состава; 2) уничтожение полисемии; 3) слова как пустые оболочки; 4) перенасыщенность готовыми клише и сокращениями; 5) антонимические эвфемизмы; 6) развитие в прошлое (т. е. распространение существующих факторов как потенциально уже существовавших); 7) развитие до заранее установленного состояния. Цель «новояза» не выражение особенностей мировоззрения, а своего рода манипуляция способами мышления граждан.

Исследователь теории новояза Дж. Оруэлла А.Л. Резников отмечает, что сегодня политический жаргон (в любом языке, в том числе и в английском)

представляет собой ту область языка, которая в наибольшей степени приближается к новоязовской модели (Резников, 2002: 76-77), и подчеркивает тот факт, что анализ речи политических и других общественных деятелей всегда должен находиться под исключительно пристальным вниманием лингвистов. Известно, что в С.Ш.А еще в 70-х годах был создан Комитет для борьбы против публичной демагогии – “*Committee on Public Doublespeak*”, который присуждает две награды – одну за вклад в критический анализ общественного языка и вторую – ироническую награду – за наиболее уклончивые, противоречивые и, порой, абсурдные высказывания. Последние типы наград были присуждены людям по разным причинам: 1) тем людям, которые сознательно или бессознательно выражаются так, что сказанное можно понять в двух совершенно противоположных значениях (Дж. Буш); 2) за туманный и неточный язык (Ал. Хейг – бывший госсекретарь США); 3) за чрезмерное использование эвфемизмов (Р. Рейган). В качестве примера можно привести исследования, которые касаются отдельных политических эвфемизмов: “*tax increase*” = “*revenue enhancement*” (*русс. повышение налогов = увеличению доходов*); “*miss target*” = “*fall outside current accuracy requirements*” (*не попасть в цель = упасть за пределами текущих требований точности*;) “*MX missile*” = “*peacekeeper*” (*ракета MX = миротворец*); “*genocide*” = “*ethnic cleansing*” (*геноцид = этнические чистки*;) “*pre-emptive strike*” = “*unprovoked attack*” (*упреждающий удар = ничем не спровоцированное нападение*); “*take down*” = “*killing someone*” (*сносить, из вертикального состояния привести в горизонтальное = убить кого-либо*). Эти и другие понятия попадают в словари и справочники типа “*Doublespeak Defined*” (Collins, 1999). Можно говорить о возникновении своеобразной «политической диглоссии», когда имеется как бы два разных языка – язык официальной пропаганды и обычный язык.

«Политическая корректность», прежде всего, отражается в речевом поведении современной идеологии западной демократии, которая

основывается на концепции «справедливости» и, как следствие, обязательное достижение «равноправия» и «соблюдения прав человека» (Адлер, 1993: 18).

«Политическая корректность» рассматривается некоторыми исследователями, например в США – историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики. Также исследователи говорят о характерных как для современной Америки, так и для всего мира процессах расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств. С появлением «политической корректности» под ее «покровительством» оказались, в первую очередь, две категории граждан: иммигранты – представители иных рас и национальностей – и женщины. Особая осторожность в словоупотреблении, когда речь идет о расовых или этнических меньшинствах в Европу пришла вслед за США и по примеру американцев. В американской речи, стремление избежать даже малейшего намека на дискриминацию уже привело к возникновению, вместо обычных указаний на цвет кожи, сложных, но с точки зрения «политической корректности», находящихся вне подозрения, нейтральных, не влекущих за собой негативного подтекста выражений “ *Native Americans, African-Americans, Asian-Americans* ”. Можно привести некоторые любопытные примеры влияния идей политической корректности касательно дискриминации в адрес этнических меньшинств. Так, 2012 году в мировой прокат был выпущен антиутопический фильм «Голодные игры» (англ. “*The Hunger Games*”) по одноименному роману Сьюзен Коллинз. Спустя некоторое время пребывания фильма в мировом прокате начали поступать жалобы в адрес режиссера и сценаристов по поводу выбора некоторых фигурирующих в фильме актеров. Дело в том, что некоторых персонажей сыграли представители негритянской расы, что в корне противоречило ожиданиям некоторых зрителей. Киностудию совершенно необоснованно обвинили в потакании принципам политической корректности, так как в книге действительно персонажи были описаны как

люди, имеющие темную кожу и темные вьющиеся волосы, что было подтверждено и самим автором бестселлера. Проблемы возникли с политически некорректным прилагательным “*Oriental*”- «азиатский», потому что оно якобы навязано жителям Азии европейцами. Приведем любопытный пример . В конце 1980-ых американцы начали более сознательно относиться к своему здоровью. Сразу же на это отреагировала всемирно известная сеть быстрого питания Макдоналдс (англ. “*McDonald’s*”), разнообразив меню тремя видами салатов, один из которых был назван “*Chicken Salad Oriental*” (русс. «Куриный салат по-восточному»), чуть позже название было модифицировано в “*Oriental*”, тем самым спровоцировав недовольства со стороны многих американцев азиатского происхождения, которые утверждали, что это Колонизаторский термин, ущемляющий их достоинство. Более того, этим термином - “*Oriental*” было принято называть всевозможного рода изделия, например “*Oriental Rugs*” (русс. «Восточные ковры»). Спустя некоторое время “*Oriental* ” заменят на “*Asian*”(ER 9).

Разграничивая социальную пользу или вред «политической корректности», не стоит забывать о том факте, что люди общаются не отдельными, изолированными словами, а словосочетаниями, целыми текстами, так что контекст любого сообщения может быть семантически сформирован настолько четко, что исключит любую вероятность неправильного понимания с любой стороны восприятия . По этой причине искусственные мероприятия по утверждению «политической корректности» как социального (директивы), так и лингвистического (изобретение новых лексических единиц) плана не имеют смысла.

В Европе стремительно возрастающий успех идей «политической корректности» связан в первую очередь с процессами выше упомянутой «американизации», а именно: политической интеграции и рядом социально-культурных изменений последнего времени, которые в чем-то сходны с американскими. «Политическая корректность» преподносится мировому сообществу как средство избежания конфликтов в поликультурном обществе

(между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д.) путем установления и функционирования специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно смягченные слова и выражения, которые будут восприняты представителями всех или большинства групп адресатов эмоционально безопасно и положительно. Иными словами, целый ряд слов и выражений, которые могут привести к потенциально всевозможным негативным ассоциациям будет подвержен процессу табуизации. Как следствие, постоянное и, к настоящему времени, неизбежное функционирование «Политической корректности» в языке приводит к целому ряду изменений в лексике, грамматике и словоупотреблении. Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть, каким же образом политкорректность находит материальное выражение в языке (Адлер, 1993: 20).

Политическая речь из-за сферы своего употребления и по прагматическим причинам является одной из наиболее богатых «корректной лексикой» стилей речи. Любая публичная речь на любом языке, в большей или меньшей степени, характеризуется заменой определенных выражений, которые адресант считает неприличными, грубыми, недопустимыми, оскорбительными для данной категории адресатов, на более нейтральные или принятые в данном языковом сообществе в виде подходящей замены, которые помогут избежать негативного воздействия, вызванного той или иной информацией. Процессы и мотивы возникновения политически корректной лексики сходны в различных языках, в частности, в европейских с их взаимосвязанными культурами.

Нужно отметить, что само понятие политической корректности довольно многоаспектно и понимается неоднозначно. К примеру, Н.Г. Комлев в «Словаре иностранных слов» определяет «Политическую корректность, политкорректность» как утвердившееся в США понятие – лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики. Политкорректность имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой

языкового кода. Исследователь уточняет, что речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, социально ущемленным группам людей. Терпимое, толерантное отношение манифестируется в смягченных выражениях (например, вместо «черные» – «афроамериканцы», вместо «инвалиды» – «нуждающиеся в физической поддержке») (Комлев, 1999: 279-280).

Словарь *Merriam-Webster Dictionary* трактует определение «политическая корректность» следующим образом: «политическая корректность - приверженность мнению, что язык и действия ,которые могут затронуть политически чувствительные вопросы, должны быть исключены» -“*conformity to a belief that language and practices which could offend political sensibilities should be eliminated*” (MWD).

Энциклопедия «*The Hutchinson*» (Великобритания) содержит следующее определение: «политическая корректность»- разговорный термин, использующийся в качестве либерального отношения к проблемам образования и общественного положения и всего с этим связанного. Чтобы быть политически корректным надо реагировать на проявления расизма, сексуального насилия, проявлять беспокойство об окружающей среде (Hutchinson, 1995: 430).

С. Г. Тер-Минасова полагает, что политическая корректность языка выражена в стремлении найти новые способы языкового выражения на смену тем, которые так или иначе задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляет его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.д. (Тер-Минасова, 2004: 216). Однако, С.Г. Тер-Минасова считает словосочетание «политическая корректность» неудачным, предлагая заменить его более подходящим термином «языковой такт», опасаясь, что политическая корректность может

дискредитировать себя крайностями и выродиться в нечто противоположное (Гер-Минасова, 2004: 223).

Очень непросто установить отправную временную точку, с которой началось массовое употребление основных средств языковой реализации идей политической корректности - эвфемизмов политиками и общественными лидерами, однако нельзя не согласиться с некоторыми авторами, которые связывают возрастание эвфемизации с развитием в Европе так называемого придворного этикета. При европейских королевских и княжеских дворах такие церемониальные формы речи служили для подчеркивания и демонстративного прославления подданными власти и могущества своего государя и придания особой значимости его персоне. Об этом и свидетельствует укоренившееся в английском языке слово "*courteous*".

Введение нового этикета, появление новых запретов, выбор и частота употребления эвфемизмов политиками и общественными деятелями неразрывно связаны с господствующей политической и общественной идеологией, актуальными или популярными социально-культурными и политическими ориентирами, такими как гражданский мир, равноправие и т.п. Здесь же можно говорить и о смене политических систем, идеологий, направлений общественного развития; поиске поддержки в различных ситуациях у той или иной категории населения – этнических групп, женщин, инвалидов; необходимости отвечать требованиям других культур при возрастании поликультурности общества; необходимости удовлетворять международной политической конъюнктуре (например, при международной политико-экономической интеграции и членстве в международных организациях или межгосударственных блоках, таких как ООН или ЕС, а также под влиянием гуманитарной политики сверхдержав, в первую очередь – США). Учащающиеся случаи употребления эвфемизмов заметны в «сложных политических ситуациях», когда необходимо избежать развития конфликта или когда говорящий – политик – сомневается в устойчивости своего положения. Например, в последние годы стало принято любые, даже очень серьезные

межпартийные разногласия по политическим вопросам именовать «*Dialogue*». Предвестником появления политкорректности следует считать требование выполнения всякого рода указаний, не объективированных в виде письменных документов, существовавшее если не во всех, то во многих обществах. Иначе говоря – требование соблюдать рамки приличия. В частности, нищим на паперти подавали во многом из соображений политкорректности /приличий. Критики считают политкорректность способом затушевать или сгладить острые общественные противоречия, которые ведут к нежелательным и негативным последствиям. Политкорректность также рассматривается и как одно из проявлений цензуры, что ограничивает право человека на абсолютную свободу слова. Идея толерантности, как часть политкорректности, вызывает возражение в консервативных и религиозных кругах, а также в националистических, шовинистических, расистских и ультраправых организациях.

1.2. Выражение идей политически корректной лексики в текстах СМИ

Роль основного распространителя «политкорректной, смягченной» лексики взяли на себя СМИ. На данный момент СМИ являются мощным инструментом формирования языковых норм. Современные средства массовой информации отражают основные социально-экономические процессы в обществе и процессы преобразований в языке, а язык, как одна из важнейших знаковых систем, имеет тесную связь с культурой и менталитетом того общества, в котором существует. Совершенно любое явление или событие в том или ином виде находит отражение на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров, как в разноплановых телешоу, так и кинематографе, и, конечно же, в новостных лентах Интернет-порталов. Языковое выражение

идей политической корректности заключено в употреблении смягченных слов и выражений. Тем самым, всевозможные словообразования, привнесённые в язык средствами массовой информации, прочно входят в нашу речь, укореняются в ней.

Политическая корректность оказывает наиболее осязаемое воздействие на лексический состав языка. Лексика как наиболее уязвимый и пластичный уровень языковой системы сразу же реагирует на происходящие в обществе перемены. Этот процесс становится особенно заметным в периоды экономических, социальных и других осязаемых изменений в обществе (Леонтович, Панин,). Объективная реальность предстает для потенциального реципиента с различных точек зрения и он не в состоянии здраво оценить ту информацию, которую он получает через каналы СМИ, принимая ее как данность, чему способствуют вышеперечисленные элементы языковой коммуникации. Нередко появление в средствах массовой информации материалов о конкретных событиях в области межнациональных отношений ведет к ухудшению ситуации и росту взаимного недоверия. С одной стороны, СМИ стремятся рассказывать о событиях таким образом, чтобы минимизировать возможный вред от своих материалов, с другой – многие журналисты, намеренно или ненамеренно способствуют разжиганию межэтнической и межконфессиональной розни. Даже положительную новость в сфере национального вопроса СМИ могут преподнести в негативных тонах.

Здесь, в свою очередь, подключается психолингвистика и немаловажную роль играют техники манипулятивного речевого воздействия. Определение «манипуляция» трактуется в широком и узком смыслах. В широком смысле это определенное влияние на сознание и поведение человека или социальных групп, которое характеризуется различной степенью осознанности и наличием совокупного манипулятора. В данном случае термин «манипуляция» трактуется более узко, а конкретно как сознательное и целенаправленное дискурсивное воздействие на потенциальный объект (человека) через информационные каналы связи, которые на данный момент обладают

колоссальной силой воздействия - СМИ, для достижения определенных изменений во мнениях, оценках, поведении и убеждениях, путем внедрения в сознание объекта тех или иных суждений, выгодных самому манипулятору (ER9).

Одним из способов манипуляции сознанием реципиента является процесс семантизации, т.е. поиск наиболее подходящих слов, в которые следует облечь любую информативную модель. Для этой цели создается большое количество клише, лозунгов, эпитетов, метафор, эвфемизмов, кратких, но нечетких фраз, при помощи которых можно описать любую международную новость как в положительном, так и в негативном свете, в зависимости от намерений информатора. Манипуляция сознанием присутствует во всех сферах общественной жизни. В духовной сфере духовные ценности пропагандируются через приоритеты воспитания, через образование, искусство и литературу. В политической сфере пропагандируются образы и привлекательные, с точки зрения манипулятора-информатора (в данном случае – политической системы), носители политических идей посредством PR-средств, политической рекламы и средств массовой информации.

Далее стоит обратить внимание на то, что анализ культурологических и социолингвистических исследований (Гуманова, 1999; Кипрская, 2005; Масленникова, 1999; Палажченко, 2004), посвященных проблемам функционирования политически корректной лексики английского языка, позволяет выдвинуть предположение о том, что политически корректные слова и словосочетания представляют собой разновидность знака, известную как симулякр. Понятие симулякра («видимости», «подобия») впервые встречается еще в древности. Оно начало существовать в европейской философии, начиная с античных времен, и включалось в теологическую схему репрезентации, сформулированную Платоном. Согласно этой схеме имеется идеальная модель-оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны некоторые количества верных или неверных подражаний. Верные подражания-копии

характеризуются своим сходством с моделью, а неверные подражания-симулякры – своим отличием от модели и друг от друга .

Согласно философской концепции Жана Бодрийера, фундаментальным свойством симулякра признается его принципиальная несоотнесенность и несоотносимость с какой бы то ни было частью реальности. Симулякр создает исключительно видимость ее наличия, маскирует ее отсутствие, посредством симуляции, выдавая нечто не существующее за реально существующее. При этом симуляция порождает абсолютное совпадение реального с моделями симуляции. Модели симуляции совпадают с реальным настолько, что исчезает самое существенное – различие между симулякром и реальностью (ER 9).

Таким образом, средства массовой информации молниеносно реагирует на любые общественные изменения, и, как уже упоминалось нами ранее, оказывает серьезное влияния на лексический состав языка, являясь одним из главных и наиболее эффективных инструментов формирования языковых норм.

1.3. Эвфемизмы как основное лексическое средство выражения идей политической корректности: определение понятия и основные характеристики

Для начала, нужно отметить, что учение об эвфемизмах уходит в глубокую древность. Термин «эвфемизм» происходит от греческого “*euphemi*”, что значит дословно «хорошо говорю». Упоминание об эвфемизме есть в древнем учении о тропах, употребляемом во избежание непристойности, либо для возвеличивания предмета. В XVI веке В. Шекспир являлся родоначальником многих эвфемизмов, относящихся к сфере сексуальных отношений. Т.М. Беляева, В.А. Хомяков выделяют два периода в истории английского общества, когда из-за влияния «религиозной морали и ханжеской

благопристойности очищались произведения Шекспира и других драматургов его эпохи от богохульств и неприличных форм» (Беляева, Хомяков, 1985: 23). Первый период связан с веком «воинствующих пуритан». Этот век известен тем, что изгонялись достижения эпохи Ренессанса. Второй период, как считают лингвисты, связан с ханжеской моралью викторианства. В викторианскую эпоху в XIX веке в Англии возникает много эвфемизмов в результате жесткой цензуры. Общеизвестно, что еще при существовании первобытных предрассудков, суеверий, верований в магические заклинания, появились древнейшие эвфемизмы (Глиос, 2007: 18).

Понимание роли и функции эвфемизмов исследователями обуславливает отличия в толковании понятия «эвфемизм». Имеется несколько определений эвфемии как языкового явления. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под ред. О.С.Ахмановой эвфемию определяют как, эмоционально нейтральное явление, употребляемое вместо синонимичных ему слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными (Ахманова, 2005: 97).

По мнению В.Ф. Донского, разнообразие дефиниций эвфемизма можно свести к двум основным видам. В основе определений первого типа лежит, во-первых, противопоставление эвфемизмов запретам на слова, во-вторых, интенции говорящих избежать употребления грубых, вызывающих отрицательные эмоции, негативные последствия, слов и выражений. Основной функцией эвфемизмов является функция смягчения неприятного факта действительности при помощи языковых средства. Согласно второй точке зрения, исследователи считают, что под эвфемизмами надо понимать разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (Донской, 1976: 123). Понимание эвфемизма в данном случае выходит за рамки утверждения «сказать мягко, максимально вежливо», эвфемизм рассматривается на порядок шире, а именно как средство речевого этикета. Иными словами, стремление к бесконфликтному общению, вежливость, деликатность, соблюдение такта и приличия являются мотивами,

порождающими эвфемистическую субституцию. Как считает В.Ф. Донской, эвфемизм является своеобразным синонимом в ряду выразительных средств, выполняющим стилистическую функцию (Донской, 1976: 124). Результатом сравнения двух точек зрения, двух видов дефиниций эвфемизма, является важное заключение исследователя о том, что мотивами, порождающими эвфемизмы, стало не только стремление смягчить, сказать вежливо, но еще сказать расплывчато, туманно, искаженно, а порой и совсем непонятно. По мнению исследователя, эвфемизмы имеют целью не просто образное представление действительности, как троп поэтического языка, а затемнение или прикрытие неприглядных явлений самой действительности (Донской, 1976: 124). Социальная обусловленность эвфемии способствует выдвиганию на первый план и усилению функции маскировки, ретуширования, в основе которой лежит стремление ввести собеседника в заблуждение.

В.И. Заботкина выделяет прагматические причины, обуславливающие появление эвфемизмов в языковой системе: 1) принцип вежливости, обуславливает формирование эвфемизмов, смягчающих различные виды физических и умственных недостатков; 2) принцип табуирования, способствует созданию эвфемизмов, которые являются заменами прямых наименований болезней и смерти; 3) принцип регулятивного воздействия на массового реципиента, обуславливает формирование политических эвфемизмов; 4) прагматическая установка на засекречивание своей деятельности способствует появлению эвфемизмов - социолектов (Заботкина, 1989: 94).

А.В. Остроух выделяет наличие «эвфемизационной ситуации», под которой понимает обстоятельства, обязательно требующие эвфемизации – смягчения, «улучшения», маскировки, завуалирования», в качестве эвфемистической замены могут выступать числа, цвета, имена собственные, компьютерные символы и т.д. (Остроух, 1998: 111).

В.И. Карасик подчеркивает, что демонстрация уважительного отношения к адресату выражается в выборе и избегании определенных тем разговора, и

указывает на существование «абсолютно табуированных, условно табуированных и ситуативно табуированных тем в общении» (Карасик, 2002: 75).

Л.В. Артюшкина выделяет четыре причины возникновения эвфемизмов и соответствующие им группы эвфемизмов: 1) страх и религиозный запрет; 2) морально-этический фактор; 3) стремление соблюдать правила этикета; 4) стремление скрыть истинное положение дел: а) по соображениям престижа; б) по идеологическим соображениям. В соответствии с классификацией причин возникновения эвфемизмов, исследователь подразделяет эвфемизмы на следующие группы: 1) древнейшие переименования «по запрету»; 2) эвфемизмы, образованные по морально-этическим причинам; 3) эвфемизмы, образованные из желания соблюдать правила этикета; 4) эвфемизмы, образованные по соображениям престижа; 5) эвфемизмы, образованные по идеологическим причинам (Артюшкина, 2002: 31-32).

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической литературе накоплен обширный материал по изучению эвфемизмов в свете различных аспектов. Рассмотрение проблемы эвфемии в публикациях, представленных лингвистами и сопоставление различных подходов к проблеме эвфемии, позволяет прийти к следующему заключению, что спектр мотивов, порождающих эвфемизмы, значительно расширился.

Существующие определения эвфемизма можно объединить в четыре основные группы по функциональному признаку, который выделяют исследователи.

В первую группу входят определения подчеркивающие функцию смягчения. Например, по мнению Ч. Кейни, эвфемизм представляет собой способ, посредством которого нетактичное, оскорбительное или вызывающее страх слово, заменяется косвенным, более мягким термином (Kany, 1960: 5). Определение, выдвинутое А. Спирсом созвучно с приведенными выше, так как подчеркивается направленность эвфемизма на смягчающий эффект.

Исследователь считал, что эвфемизм – это замена шероховатого выражения более мягким и приемлемым (Spears, 1981:11).

Эвфемизмы, с точки зрения В.Ф. Донского, являются синонимами в ряду выразительных средств языка, выполняющими стилистическую функцию (Донской, 1976: 120).

Стремление соблюсти правила этикета, морально-этический аспект, социальная обусловленность эвфемизма присутствует в определениях второго типа. В дефиниции эвфемизма, предложенной Э. Патриджем, акцентируется этический аспект коммуникации – достижение снижения эффекта неприятного впечатления на слушающего, с целью произвести приятное впечатление (Partridge, 1964). К. Аллан, К. Барридж расставляют приоритеты следующим образом: 1) эвфемизм как альтернативная замена неподходящему в определенной ситуации выражению, 2) целью употребления которого является «сохранение лица» (Burridge, 1996: 42). В словаре современного английского языка дается определение, подчеркивающее этическую целенаправленность эвфемизма. А именно выделены следующие характеристики: 1) слово или выражение в вежливой форме; 2) замена прямого наименования; 3) цель употребления: избежание неприятного шокирующего эффекта.

Третью группу определений эвфемизма объединяет акцент на социальную обусловленность и функциональную направленность эвфемизма на маскировку, камуфлирование, вуализацию каких бы то ни было реалий действительности. Д. Болинджер определяет эвфемизмы, как принадлежащие к классу слов с дополнительной смысловой нагрузкой “*loaded words*”, которые используются для обозначения чего-либо в благоприятном для говорящего свете (Bolinger, 1984: 72-73). Дж. Лоуренс в своем определении подчеркивает смягченность и завуалированность формы эвфемизма по каким-либо причинам (Lawrence, 1973: 81). Мягкость формы эвфемизма, заменяющего прямое, оскорбительное наименование и эффект маскировки характеристики эвфемизма в дефиниции, предлагаемой Дж. Ниманом и К. Сильвером (Neaman, Silver, 1995: 15).

Четвертую группу определений объединяет стремление отразить три взаимосвязанных аспекта эвфемизмов: социокультурный (в том числе и психологическая мотивация), прагматический, лингвистический (иносказательность обозначения антецедента). Определения, входящие в состав четвертой группы, можно охарактеризовать как «пространные и развернутые», представляющие собой отражение недавних исследований в области эвфемии. К примеру, с точки зрения О.В. Обвинцевой, эвфемизмом является замена любого недозволенного или нежелательного слова или выражения более тактичным с целью избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства, как у говорящего, так и у собеседника, а также с целью маскировки определенных реалий действительности (Обвинцева, 2003: 14).

Итак, исследователи называют эвфемизмами разнообразные средства языка: слова, словосочетания, сокращения, графический пропуск и т.п. Используемые лингвистами термины для обозначения понятия «эвфемизм» являются: «эвфемистическая замена», «эвфемистическое переименование», «синонимическая замена запрещенных слов», «эвфемистический субститут».

1.3.1. Понятие «политический эвфемизм»: его специфика, мотивы создания, типы и функции

Отдельного рассмотрения требует понятие политического эвфемизма. По мнению О.В. Обвинцевой, они используются в текстах политической коммуникации, как замены слов или выражений, являющихся в обществе политическими табу. Целевое назначение политических эвфемизмов, по мнению исследователя, заключается: 1) в попытке избежать прямого наименования всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации; 2) попытке избежать возможных негативных последствий для адресанта политической

коммуникации; 3) целенаправленном воздействии на общественное мнение (Обвинцева, 2004: 63).

Наиболее полное и четкое понимание понятия «политический эвфемизм» требует рассмотрения основных мотивов использования политических эвфемизмов, типов политических эвфемизмов и их функций.

Некоторые авторы отказывают политическим эвфемизмам в статусе истинных эвфемизмов, так как они преследуют цель целенаправленного искажения истины. По мнению И.Р. Гальперина, если эвфемизму не удастся сохранить связь с обозначаемым денотатом, то он перестает быть эвфемизмом: “*tension*” - «напряженная обстановка» вместо “*uprising*” - «восстание», “*undernourishment*” - «недоедание» вместо “*starvation*” - «голод» (Гальперин, 1981: 175).

В.П. Москвин разграничивает понятия «эвфемия» и «дезинформация», полагая, что они противопоставлены функционально (по коммуникативной цели). Цель эвфемии - смягчение выражения («полный» вместо «толстый»), цель дезинформации - ложь, обман, искажение истины («чернобыльская авария» вместо «чернобыльская катастрофа») (Москвин, 2001: 61). С нашей точки зрения, данные примеры все-таки являются эвфемизмами, несмотря на слабую связь с денотатом. Во-первых, они заменяют слова и выражения, которые были нежелательными для коммуникатора в данной ситуации, могли вызвать отрицательную реакцию; во-вторых, они обладают нейтральной коннотацией и, в-третьих, соответствуют основным целям функционирования эвфемистических замен в речи: избежать конфликта в общении, скрыть неприятные явления действительности. Политические эвфемизмы обладают наиболее эффективными возможностями для манипулятивного воздействия на сознание человека. Исследователи единогласно отмечают, что стремление завуалировать негативные стороны явлений действительности, последствия неприглядных политических и экономических мер неизбежно ведет к использованию политических эвфемизмов и обуславливает их развитие.

Многие исследователи подчеркивают, что стремление предотвратить общественный резонанс, массовое возмущение, сокрытие пороков и регулирования системы ценностей современного общества обуславливают использование эвфемизмов в языке политики (В.И. Заботкина, Е.В. Кипрская, Л.П. Крысин и др.).

Наиболее полное раскрытие понятий «политический эвфемизм» и «политическая эвфемия» требует рассмотрения основных мотивов использования политических эвфемизмов. Лингвисты выделяют ряд мотивов политической эвфемизации, многообразие которых сводится к мотивам коммуникативного, социального и правового планов. Например, О.В. Обвинцева выделяет социальные, коммуникативные и правовые мотивы политической эвфемизации (Обвинцева, 2004: 59). Исследователь противопоставляет термины «политическая эвфемия» и «политическая корректность». Политическая корректность, по мнению О.В. Обвинцевой, связана с «языковой политикой, с определенной государственной идеологией», в то время как политическая эвфемия имеет отношение к «языку и процессам, происходящим в нем» (Обвинцева, 2004: 59, 65).

В.О. Обвинцева предпринимает попытку разграничить политическую эвфемию и политическую корректность в исследовании. Однако, смешение мотивов, лежащих в основе создания политических эвфемизмов, и эвфемизмов, образованных в соответствии с политической корректностью, ведет к отсутствию возможности четкого разграничения двух явлений: политической эвфемии и политической корректности. Попытки четкого разграничения эвфемизации в сфере экономики, политики и социальных сфер, связанных с культурно-поведенческой и языковой практикой – политической корректностью осложняются близостью, смежностью этих явлений, которые имеют гораздо больше сходства, отличия незначительны и ситуативно-специфичны, что затрудняет выделение релевантных критериев для более четкого разграничения этих двух взаимосвязанных явлений.

Е.В. Кипрская выделяет семь основных мотивов создания политических эвфемизмов: 1) необходимость сокрытия проблем в социальной сфере во избежание конфликта; 2) использование эвфемизмов как способа «сохранения лица у субъекта политики»; 3) стремление завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки с целью избежать осуждения общественности; 4) желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или другой расовой принадлежности; 5) отрицание ответственности вследствие перераспределения вины; 6) необходимость соблюдения дипломатического этикета; 7) один из способов завоевания поддержки политических сил при проведении различного рода непопулярных мер (Кипрская, 2005: 59-61).

Политкорректность как языковая категория обладает определенными категориальными признаками. Так, Д.Э. Осмонова выделяет два таких признака: «а) интегральный признак – отсутствие в коннотативном значении языковой единицы дискриминации по расовой, национальной, половой принадлежности, состоянию здоровья, возрастному и социальному статусам и др.; б) дифференциальный признак – способность языковой единицы исключить проявления вышеперечисленных видов дискриминации»

Опираясь на данные, приведенные в работах Д.Э. Осмоновой, рассмотрим подробнее, с помощью каких средств выражается категория политкорректности на словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях.

На словообразовательном уровне категория политической корректности представлена словами, образованными при помощи немаркированной по признаку пола морфемой “*person*” (*chairman* > *chairperson*; *spokesman* > *spokespersons*); опущением суффиксов “-ess”, “-ette”, “man” во избежание указаний на половую принадлежность (*cameraman* > *camera operator*; *fireman* > *fire fighter*; *postman* > *mail carrier*; *stewardess* > *flight attendant*; *headmistress* > *headteacher*).

На лексическом уровне категория политической корректности представлена переосмысленными названиями этнических и национальных меньшинств (*Afro-American, Asian-American, Native American, Native Alaskan*), формой обращения “*Ms*” (не указывающей на семейный статус женщины), политически корректными эвфемизмами, направленными на исключение разного рода дискриминации (*person of color, senior, physically challenged, person of size, low-income, environmental hygienist* и т.д.) (ER 1).

На синтаксическом уровне категория политической корректности проявляется в виде замены местоимения “*he*” (*his*) в предложении на сочетание “*he/she*”, «он/она» или местоимением множественного числа “*their*” «их», также на конструкции с числительным “*one*” или неопределенно-личные предложения (*They say that ..., etc.*), когда пол существительного не указан. Здесь также речь идет о правилах построения целых фраз и предложений, которые иногда в результате совершенно теряют свой первоначальный смысл, так как из них абсолютно невозможно понять, о ком идет речь: о мужчине или женщине, белом или черном.

Эвфемизмы, относящиеся к сферам политики и экономики, чаще всего, мотивированы попыткой оправдать неблагоприятную политику государств, ретушировать существующие пороки в обществе. Как справедливо отмечает У. Лутц, в основе языка политики лежит стремление «ввести в заблуждение, исказить, обмануть, перехитрить, завуалировать» (Lutz, 1989: 2). В течение XX века “*economic crisis*” экономический кризис, было вытеснено “*slump*” – «падение», “*slump*” было заменено на “*depression*”- «депрессия», что вызвало новый эвфемизм “*recession*”- «отступление». Более современные термины в значении «экономический кризис» включают: “*period of economic adjustment*” – «период стабилизации экономики», “*period of negative economic growth*” – «период отрицательного экономического роста», “*meaningful downturn*” – «значительный спад». Чтобы смягчить негативный эффект слов “*firing*”, “*laying off*” – «увольнение», возникли эвфемизмы “*downsizing, rightsizing, redundancy elimination*”. Название самой социальной структуры –

«капитализм» приобрело за последние десятилетия ряд новых эвфемистических замен: *“the system of free enterprising”* – «система свободного предпринимательства», *“open society”* – «открытое общество», *“economic humanism”* – «экономический гуманизм».

Приведем примеры политических эвфемизмов тематической группы *“The loss of a job, firing”*. Ранее было неоднократно отмечено, что одним из признаков, определяющих социально-статусную принадлежность, является профессиональное занятие, наличие работы. Вместо выражения *“firing workers”* используется ряд эвфемистических замен, выполняющих функцию маскировки неприглядности явлений. Например, слово *“dehiring”* (процесс противоположный найму) заменяет выражение *“firing workers”*. Эвфемизм *“dehiring”* образован с помощью префикса *“de-”*, служащего, как правило, для образования слов терминологического характера. Наличие негативного префикса почти не отражается на лексическом значении слова *“hiring”*, иначе говоря, логико-предметное ядро слова остается нетронутым. Основанием для эффекта смягчения является антонимичность денотата и ассоциата. Так же наблюдается группа глаголов, противопоставляемых друг другу по значению: *“promotion”* и *“demotion”*. Для смягчения значения безработный *“unemployed”* используется эвфемизм «человек, не получающий зарплаты» - *“unwaged person”*.

Таким образом, политический эвфемизм обладает относительной равнозначностью со словами и выражениями, подлежащими переименованию, соответствует дефинициям эвфемизма, перечисленным в настоящей работе, но с той лишь разницей, что в данном случае стигматичность, нежелательность прямого наименования связана с существующей общественной идеологией, нормативно-ценностными системами социума. Основными мотивами использования политических эвфемизмов является стремление завуалировать негативные стороны явлений действительности, замаскировать негативные последствия неприглядных политических и экономических мер, которые, так или иначе, освещаются СМИ, с целью создания положительного

оправдательного пропагандистского эффекта, как средства предотвращения общественного резонанса, для сохранения «баланса» социально-статусных интересов на уровне государства.

Вектор формирования определенного общественного мнения задается с помощью видоизмененного способа репрезентации информации, на основе социально-оценочного использования языковых средств, в том числе и политических эвфемизмов как средств языковой маскировки. Под видоизмененным способом репрезентации информации в случае использования политических эвфемизмов, мы понимаем некий процесс поиска, отбора, конструирования и передачи смысла высказывания с ориентированностью на предмет высказывания, таким образом, что происходит наделение предмета высказывания необходимым смыслом. «Эвфемизм — это игра, в которую играют взрослые», на наш взгляд, эта фраза П. Траджилла очень кратко и образно передает истинную сущность политических эвфемизмов (Trudgill, 1995: 73).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что существуют различные точки зрения на проблему языкового выражения политкорректности. Однако мы склонны придерживаться точки зрения, что, эвфемизмы являются одним из основных языковых средств выражения политкорректности на лексическом уровне. А именно «политкорректные» эвфемизмы: нейтральные и/или положительные эвфемизмы, которые заменяют слова или выражения, способные задеть чувства и достоинство того или иного индивида или представителя какого-либо меньшинства в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

Политкорректные эвфемизмы в свою очередь могут быть разделены на две группы:

- 1) эвфемизмы, исключающие различные виды дискриминации;
- 2) эвфемизмы, созданные с целью сокрытия или вуалирования негативных факторов в политической и экономической сферах.

Можно также резюмировать, что приоритетная цель, которая преследуется говорящими при использовании политкорректных эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях – стремление избегать коммуникативных конфликтов, неудач и конфузов, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. Таким образом к использованию камуфлирующих слов прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, способные задеть чувства и достоинство того или иного индивида или представителя какого-либо меньшинства в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате исследования теоретических основ в соответствии с поставленными задачами были сделаны следующие выводы.

1. «Политическая корректность» представляет собой масштабное явление, имеющее место в современном мире, которое затронуло самые разные сферы жизни англоговорящего общества. На данный момент наблюдается активное влияние политической корректности и на европейские культуры. Более того, влияние политкорректности отразилось на сосуществовании расовых и этнических групп, отношениях мужчин и женщин, положении в обществе людей разных возрастных категорий, социального статуса и материальной обеспеченности. Политическая корректность является средством избежания конфликтов в поликультурном обществе (между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д.). Избежание конфликтных ситуаций же достигается путем установления специализированных норм речевого этикета, прежде всего, употребления «языка особого назначения», содержащего исключительно те выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты адресатами всех или большинства групп, и табуизации целого пласта лексических единиц, которые могут привести к негативным ассоциациям. Само понятие политической корректности довольно многоаспектно и понимается неоднозначно.

2. Прием «политически корректного» высказывания может не только замаскировать настоящий смысл или направленность речи, но и определенным образом сформировать восприятие окружающими происходящего, сделав логические и морально-нравственные акценты, выгодные говорящему.

3. Процесс формирование определенного общественного мнения достигается с помощью видоизмененного способа репрезентации информации, на основе социально-оценочного использования языковых средств, в том числе и политических эвфемизмов как средств языковой маскировки.

4. Исследователи единогласно отмечают, что стремление предоставить ту или иную информацию в наиболее выгодном для информатора свете, замаскировать негативные, неприятные для восприятия стороны явлений действительности, последствия неприглядных политических и экономических мер обуславливают использование политических эвфемизмов.

5. Роль основного распространителя «политкорректной, смягченной» лексики взяли на себя СМИ. На данный момент СМИ являются одним из самых мощным инструментом формирования языковых норм.

6. Корни современных эвфемизмов уходят в далёкое прошлое, и многие лингвисты связывают появление эвфемизмов с понятием «табу».

7. Мотивами формирования и функционирования политических эвфемизмов являются: 1) стремление завуалировать негативные стороны явлений действительности; 2) стремление подправить негативные последствия неприглядных политических и экономических процессов; 3) стремление сохранить баланс социально-статусных интересов на уровне государства, с целью создания оправдательного пропагандистского эффекта, как средства предотвращения общественного резонанса

8. Основное целевое назначение политических эвфемизмов, по мнению исследователей, заключается в: 1) попытке избежать прямого наименования всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации; 2) попытке избежать возможных негативных последствий для адресанта политической коммуникации; 3) целенаправленном воздействии на общественное мнение. По этой причине некоторые авторы отказывают политическим эвфемизмам в статусе истинных эвфемизмов, так как они представляют собой намеренное искажение истины.

9. Существующие определения эвфемизма можно объединить в четыре основные группы по функциональному признаку, который выделяют исследователи: 1) определения, подчеркивающие функцию смягчения; 2) стремление соблюсти правила этикета, морально-этический аспект ; 3) акцент на социальную обусловленность и функциональную направленность

эвфемизма, на маскировку действительности; 4) стремление отразить три взаимосвязанных аспекта эвфемизмов: социокультурный (в том числе и психологическая мотивация), прагматический, лингвистический (иносказательность обозначения антицендента).

10. Сопоставление и обобщение взглядов, точек зрения на определение термина «эвфемизм» выявило отсутствие единства взглядов на проблему, и явление эвфемии в целом, что позволяет сделать следующие выводы: 1) отсутствие общепринятой дефиниции термина «эвфемизм»; 2) синонимичность существующих определений; 3) эвфемизмами называют разнообразные средства языка: слова, словосочетания, предложения, сокращения, графический пропуск и др.; 4) традиционными терминами, используемыми лингвистами для обозначения понятия «эвфемизм», являются «эвфемистическая замена», «эвфемистическое переименование», «синонимическая замена запрещенных слов», «эвфемистический субститут».

ГЛАВА II. Функциональные особенности процесса формирования и функционирования политически корректных эвфемизмов в СМИ

2.1. Явление псевдоэвфемии и языка демагогии

В процессе исследования нам показалось интересным затронуть проблему феномена псевдоэвфемии, так как он ставится все более актуальным и все чаще привлекает внимание исследователей феноменов политической корректности и эвфемии. Данный параграф является авторским переводом статьи *“The world of Doublespeak”*, представленной в учебнике *“Advanced Masterclass CAE”*.

Согласно последним данным департамента США по вопросам земледелия, на фермах больше нет свиней, коров, овец, кур и других животных. Вместо них теперь фермеры обзавелись «употребляющими зерновые культуры животными единицами» - *“grain-consuming animal units”*. Все, кто внимательно следит за изменениями лексического состава английского языка заметили, что крупнейший фондовый рынок не разорился в 1987 году, а был «лишен части своего акционерного капитала по вине непреодолимых обстоятельств» - *“a fourth quarter equity retreat”*; самолеты больше не терпят крушение и не разбиваются, теперь происходит «неконтролируемый контакт с земной поверхностью» - *“uncontrolled contact with the ground”*; во время хирургических операции люди не находятся в бессознательном состоянии, а в «состоянии неспособности принимать решения самостоятельно» - *“non-decision-making form”*; также пациенты не умирают, а происходит нечто вроде «негативного исхода лечения» - *“negative patient care outcome”*. Язык-демагогия или язык псевдоэвфемии все активнее распространяется как язык официальной коммуникации.

Язык-демагогия или псевдоэвфемия – общий термин для языка, который создает «коммуникативный эффект», но как таковую коммуникацию не

осуществляет. Это язык, который стремится «плохое, непривлекательно, негативное» выдать за «хорошее, привлекательное, позитивное»; язык, который избегает, вуалирует или вовсе искажает реальное положение вещей. Мы все же прекрасно понимаем, что такой предмет личной гигиены как «зубная щетка», останется «зубной щеткой» даже если рекламные СМИ преподносят этот предмет как «инструмент для удаления налёта в домашних условиях» - *“home plague removal instrument”*, целое техническое устройство. Также, такой сложный процесс как «диета» не станет приятнее и легче, если станет «питанием с лечебным эффектом»- *nutritious avoidance therapy*” или «терапией, которая исключает излишнюю питательность»; процесс сворачивания производства на заводе из-за разорения не изменится, если его назвать «изменения в расписании производственных мероприятий» - *“volume-related production schedule adjustment”*; увольнение вряд ли останется в памяти бывших сотрудников чем-то более позитивным, если будет носить название «программа расширения карьерных альтернатив» - *“a career alternative enhancement program”*; взрыв на атомной станции не отменит своих смертельно опасных для всего живого последствий, если превратится в «энергетическое разложение» - *“energetic disassembly”*.

Эвфемизмы, как неоднократно говорилось ранее, слова «смягчающего эффекта», призваны уберечь социально ущемленные группы людей от негативного, нетактичного, неприемлемого вербального воздействия. Но, эвфемизм, используемый для того, чтобы обмануть, ввести в заблуждение, исказить явления действительности, становится псевдоэвфемизмом, демагогией.

Жаргон, специализированный язык некоторых профессий и процесса торговли, позволяющий людям общаться четко, быстро, понятно. Конечно, чтобы понимать этот язык, нужно быть непосредственно связанным со сферой этой деятельности, в которой жаргон «живет и развивается». Но, явление демагогии может проявляться и здесь в совершенно неясной, эзотерической терминологии, которая превращает «простое» в «сложное»; которая не

объясняет, а своего рода оставляет привкус чего-то может и не совсем понятного, но впечатляющего. К примеру, используя юридическую терминологию, в случае утраты какой бы то ни было собственности по причине кражи, несчастного случая или конфискации, адвокаты или налоговые инспектора говорят о «непроизвольном преобразовании собственности» - *“involuntary conversion of property”*.

Окончательный вид псевдоэвфемии это просто раздутый язык, который формируется целенаправленно, чтобы обманывать, создавая мнимый «коммуникативный эффект», искажая информацию, манипулируя сознанием реципиентов таким путем, каким это выгодно манипуляторам.

Явление псевдоэвфемии очень опасно и необходимо быть предельно внимательными, чтобы отличать действительно политически корректную лексику от скрытого манипулирования человеческим сознанием (T.Aspinall, 2006: 14).

2.2. Лингвокультурные особенности языка в рамках антропоцентрического подхода

В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики все большее внимание отводится исследованию языковых единиц, закрепленных в языке социума, в сознании самих людей, что позволяет понять их отношение к той или иной ситуации. Активное и детальное изучение лингвокультурных особенностей языка позволяет лучше познать любую культуру сквозь призму самого языка. Изучение средств языковой семантики того, или иного языка, фиксирующих культуру в языке, способствует пониманию фундаментальных представлений, установок и создает условия для успешного межкультурного общения. Неоднократно подвергались исследованию закономерности, специфика формирования, и функционирование табуированных сфер, которые, прежде всего, связаны с социальной сущностью человека, с совокупностью

социальных, политических и духовных процессов, имеющих место быть обществе в определенный период. В предыдущей главе мы говорили о том, что явление политической корректности реализуется на разных языковых уровнях: от замены суффиксов на морфологическом уровне до перестроения целых фраз или предложений на синтаксическом уровне. Основываясь на этих данных, можно говорить о классификации политкорректности по языковым уровням: политкорректность на морфологическом (словообразовательном), лексическом и синтаксическом уровнях. Мы, в свою очередь, наиболее подробно остановимся на исследовании реализации политической корректности на лексическом уровне и обратимся к рассмотрению особенностей формирования и функционирования эвфемизмов в некоторых наиболее продуктивных сферах, а именно: 1) в сфере формирования политически корректной лексики, нацеленной на избежание половой дискриминации; 2) в сфере формирования политически корректных единиц касательного внешнего вида, возраста и физических возможностей человека; 3) в сфере формирования политически корректных эвфемизмов, исключаящих социально-статусную дискриминацию.

2.2.1. Политически корректная лексика, нацеленная на избежание дискриминации по половой принадлежности

Еще каких-то сто лет назад женская половина населения планеты и не задумывалась о равноправии. Но, социум и все его сферы неумолимо развиваются, меняются ценности, предпочтения, установки и ценность и уникальность человеческого существа становится все более значимой. Язык, будучи невероятно чувствительным к подобным перестройкам, молниеносно отражает все общественные изменения. Не удивительно, что среди сторонников движения за независимость и равноправия полов идеи политкорректности нашли наиболее интенсивную поддержку. В самом начале XX века в английском языке не существовало слов, обозначающих

дискриминацию по половому признаку. В 60-х годах активистки женского движения начали использовать словосочетание “ *male chauvinism* ” (русс. «*проявление мужского превосходства*») и термин “*sexism*” – «*сексизм*». В середине 70-х годов XX века английский язык был объявлен сексистским языком на основании содержания в нем большего количества форм мужского рода, чем женского. В дальнейшем, языковые изменения и нововведения не заставили себя ждать (ER 5).

В первую очередь, в связи с сексизмом английского языка изменениям подверглись сложные слова с лексемой “*man*”. Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных “*cameraman, mailman, foreman, fireman, policeman*” в английский язык вошли “*camera operator, mail carrier, supervisor, firefighter, police officer*”. Соотношение между мужским и женским полом в титулах компонент “*man*” также рекомендуется заменять на – “*person и member*”: “*chairman – chairperson, congressman – congressperson, spokesman – spokesperson, committee man- committee person*” (ER 5, ER 8).

Достаточно вспомнить 20 июля 1969 года, когда человек впервые ступил на поверхность главного и единственного спутника Земли – Луну . Этим человеком был Нил Армстронг (англ. “*Neil Armstrong*”). Он произнес следующее: “*That's one small step for a man, but one giant leap for mankind*” (русс. «*Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества*»). Если бы эти слова были сказаны в последние несколько лет “*man*” было бы заменено на “*person*” или “*human being*” , а “*mankind*” на “*people* или *humanity*”.

Список измененных слов продолжают некоторые стереотипные словосочетания, такие как: “*like a man, master of ceremonies, man of action, man of letters, rise of man, mother tongue*” были трансформированы в “*resolutely or bravely, moderator or convenor, dynamo, scholar or writer, rise of civilization, native language*”. Слово “*man*” было заменено на сочетание “*human being*” или на другие слова в контекстах, где имеются в виду все люди, а не только

мужское население, так предложения “*Man is a mammal*”, “*All men are created equal*”, “*A home for man is his castle*”, “*Man has always been driven by his desire for happiness*” меняются на “*Humans are mammals*”, “*We all are created equal*”, “*Your home is your castle*”, “*Humans have always been driven by their desire for happiness*”.

Слова с суффиксом “- *ess/ -ette*”, обозначающими лиц женского пола, заменяются на нейтральные. Например, вместо слова “*stewardess*” употребляется “*flight attendant*”, а слово “*hostess*” превратилось в “*host*”. Некоторые издания, в частности, “*The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*”, предлагает ввести суффикс “-*ron*” вместо суффиксов “-*or, -er/-ess*”, например слово “*actron*” заменяет слова “*actor* и *actress*”, “*waitron* – *waiter* и *waitress*”, чтобы нивелировать разделения по половому признаку (ER1).

Изменения не обошли синтаксис и грамматику английского языка. Как наиболее характерный пример можно выделить исключение из употребления местоимения “*he*”, либо использование “*he or she*” в безличных предложениях типа “*A good manager knows his staff*”. Чтобы быть корректным с точки зрения грамматики, следует использовать следующую альтернативу: “*A good manager knows his or her staff*”. Предложение, касающееся исключения местоимения «*he*» и признание правильности употребления местоимений “*they*” и “*their*” с неопределенными местоимениями “*someone* и *everybody*”. Сторонники этой позиции предпочитают вариант “*Everybody should button their coat*” вместо “*Everybody should button his coat*”(ER 9).

Слова “*Miss* и *Mrs*”, обладающие неким отпечатком семейного положения, были заменены словом “*Ms*”, которое так же, как и слово “*Mr*”, не обозначает семейного положения человека. Замена слова “*girl*” на слово «*woman*» при обращении к совершеннолетним представительницам женского пола. Исключение таких слов, как “*honey, sweetie*” и т.п. когда они употребляются при обращении к женщинам, с которыми у говорящего нет

близких отношений. Ограничение на употребление таких слов, как “*chick, broad*” и т.п. в отношении к женщинам.

Исследователи Ф.Фрэнк и Ф.Эншен отмечают, что в большинстве своем ,изменений в английском языке, за которые выступают феминистки, относятся к словарному составу языка, только небольшие изменения предполагаются в области синтаксиса, об изменениях в произношении пока никаких точных данных нет (Anshen, Frank, 1983: 82).

По аналогии с вышеназванными, можно привести примеры, где в словосочетаниях ранее употребляемое слово “*man*” заменяется на “*person*” и слова “*Miss u Mrs*” на “*Ms*”:

(1) *Toledo, who has a doctorate from Stanford University and has been a visiting scholar at Harvard, is a «cholo» the Peruvian term for a person of mixed Indian and white blood* (Newsweek (ER 8)).

(2) *The District missing persons office investigates about 1,900 cases a year, Adams said* (Newsweek (ER 8)).

(3) *No baseball person condones what Alomar did. But many baseball people believe that baseball's biggest on - field problem is not the impulsive misbehavior of players...* (Newsweek (ER6)).

(4) *If a Japanese person is hit on the head he says, 'it's my honor'* (Newsweek (ER7)).

(5) *No person shall create, commit or maintain, or allow to be created, committed or maintained, any nuisance within the Township of East Hanover, New Jersey* (The Gazette (ER8)).

(6) *Ms. Jackson said the group regretted that it was in the guide and would cover the page with a label in all published copies and remove the page from future printings* (The New York Times (ER4)).

Подводя итог вышесказанному, мы можем выделить первый принцип формирования политически корректных эвфемизмов - избежание дискриминации по гендерному признаку.

2.2.2. Политически корректная лексика, сформированная по принципу исключения дискриминации по социально-статусным различиям

Эвфемия как адаптивная стратегия «включается» тогда, когда изменить сам мир говорящему не представляется возможным по разным причинам и нужно видоизменять свое представление (или чужое) о нем и отношение к нему. Явление эвфемии – неотъемлемая часть языкового поведения, тесно связанная с понятиями нормы и оценки. Любая значимая сфера жизнедеятельности социума имеет свою шкалу определенных престижных оценок, которая регулирует поведение и детерминирует важнейшие социальные процессы. Значимость системы «имиджей», иерархия престижности, социальный статус человека в обществе, его социальные ориентиры и приоритеты привели к появлению эвфемистических по своему содержанию названий для немодных, непопулярных профессий. Не в последнюю очередь это обусловлено стремлением преодолеть социальное неравенство, связанное с разделением труда, а значит, с разделением людей, занимающихся умственным или физическим трудом, квалифицированным или неквалифицированным, занимающихся управлением или исполнительским трудом, творческим или монотонным. Еще в недалеком прошлом профессии, связанные с физической деятельностью, не вызывали у граждан негативных ассоциаций. Однако конец XX – начало XI в. отмечены переосмыслением культурных основополагающих ценностей. Традиционные приоритеты сегодня сменяют иные, материальные. Хотя общество и провозглашает важность и равнозначность всех профессий, люди подсознательно разделяют их на престижные и непрестижные, однако в разных социумах понятие «престиж» трактуется по-разному и может меняться со временем. Тем не менее, с конца XX в. мы наблюдаем тенденцию заменять традиционные наименования непопулярных, но необходимых профессий на более звучные, престижные. В

числе оснований можно отметить стремление создать respectable имидж и желание выглядеть «успешно» в глазах окружающих. Благозвучное название профессии придает ощущение уверенности и комфорта, что компенсирует неудовлетворенность своим профессиональным статусом (Глиос ,2007: 185-186).

Исследование, которое проводилось на базе материалов Интернет сайтов, позволило выделить группу политически корректных эвфемизмов, направленных на исключение дискриминации на основе социально-статусной принадлежности. Преимущественно данная группа сформирована эвфемизмами, представляющими собой наименования разных видов профессиональной деятельности. О.Ф. Иванова полагает, что политически корректные названия многих профессий своим появлением обязаны, в том числе, ориентации англоязычных культур на действие и работу (Иванова, 2004: 149). Так, большое количество названий различных профессий подвергаются эвфемистической замене. Начнем с наименований некоторых исправительных учреждений и лиц, непосредственно там работающих: “*prison*”- «тюрьма» заменяет “*correctional facilities*” , а “*prison guards*” превратились в “*correctional /custodial officers*”; сами же заключенные теперь зовутся “*clients of correctional system*”. Далее, наименование профессии “*cowboy*” заменяет выражение “*bovine control officer*” – «офицер-контролер скота». Лексическую единицу “*janitor*” заменяет более «усложненный» политически корректный субститут “*environmental hygienist*” – «специалист по вопросам гигиены окружающей среды». Название профессии “*garbage collector*”- «мусорщик» предполагает крайне малопривлекательную, малоприятную форму занятости, но совершенно по-другому предстает преобразованная, «обновленная» при помощи наукообразного аффикса “-*ist*”, лексическая единица “*garbage*”, превращает слово в “*garbologist*”. Тем самым произошел процесс приравнивания “*garbologist*” в один ряд с такими профессиями, как, например, “*agrobiologist*”, “*aerologist*”, тем самым повысив наименование в «ранге», что соответствует современным тенденциям в лингвистике в рамках

антропоцентрической тенденции, признающей человеческое существо высшей ценностью и отражающей стремление человека к продвижению по «социальной лестнице» в современном западном обществе. Процесс эвфемизации никак не стоит на месте и постоянно «эволюционирует». Что подтверждается тем, что на смену слову “*garbologist*” пришел новый эвфемизм “*sanitation engineer*”. Приведем примеры (7,8) чтобы проиллюстрировать использование таких эвфемизмов:

(7) *The person in charge of waste disposal for the township of Montclair, N.J. refers to herself as «Senior Sanitarian»* (The New York Times Magazine (ER3)).

(8) *No person shall, within the Township of East Hanover, deposit, empty, drain or discharge any gasoline, fuel or lubricating oil or other petroleum product without control of petroleum transfer technician* (ER5).

Привычное название “*gas station attendant*” – «обслуживающий на заправочной станции» сменил более звучный политически корректный субститут “*petroleum transfer technician*” – «техник-бензозаправщик» или “*petroleum engineer*”- «инженер-бензозаправщик».

Так, например, встречаются такие эвфемизмы, как “*vehicle appearance specialist*” - «специалист по внешнему виду транспортного средства» вместо “*car washer*”- «мойщик машин», “*rodent operative, rodent operator*” - «работник по нейтрализации грызунов» вместо “*rat-catcher*” – «крысолов», “*cleansing personnel*”-«персонал по очистке» или “*domestic assistant*” - «помощник по дому» вместо “*cleaner*” - «уборщик», “*tonorial artist*” - «мастер парикмахерского дела» вместо “*hairdresser*”- «парикмахер» (ER6). Отметим, что «политически корректная» лексика привела и к другим ограничениям в наименованиях некоторых малопрестижных профессий. Теперь при названии рода деятельности человека следует избегать сем, указывающих на обслуживающий и наемный характер труда. Отсюда замены “*railway servant*” - «служащий ж/д путей» на “*railway officer*” - «инспектор ж/д путей», “*nurse*” - «сиделка» на “*home care assistant*”- «лицо, оказывающее медицинскую помощь на дому», “*supervisor*”- «лицо, которое присматривает за детьми во время

обеденного перерыва», “*servant*” - «прислуга» на “*housekeeper*” - «домработница», “*employees*” - «работающие по найму» на “*team members*” - «члены команды» или “*coworkers*” - «коллеги, сотрудники» и др. Также эвфемистическим субститутам подверглись названия некоторых наименований должностей мелких офисных служащих. Например, вместо “*secretary*” - «секретарь» можно встретить “*personal assistant*” - «личный помощник» или “*administrative assistant*” - «офис-менеджер», вместо “*filing clerk*” - «делопроизводитель», “*information retrieval administrator*” - «специалист по поиску данных», вместо “*clerk in the law office*” - «служащий адвокатской конторы», “*service lawyer*” - «ассистент адвоката по документации» (ER 2).

Стремление подчеркнуть добровольность труда, а не подчинение, определяет широкое распространение лексемы “*help*” в названиях разного рода профессий: “*help*” - «домработница» вместо “*servant*” - «прислуга», “*daily help*” - «приходящая работница» вместо “*charwoman*” - «поденная уборщица», “*hired help*” - «наемный работник» вместо “*hired man, hand*” - «наемный рабочий / батрак». В названиях многих других профессий часто используют лексическую единицу “*manager*”, хоть они и не связаны с управленческой деятельностью. Использование лексической единицы “*manager*” выполняет такую же функцию, что и “*engineer*”, а именно придание повышенной статусности некоторым из них: “*classroom manager*” - «руководитель работы в классе» вместо “*teacher*” - «учитель», “*education welfare manager*” - «лицо, ответственное за создание благоприятных условий для образовательного процесса» вместо “*truancy officer*” - «школьный надзиратель, обнаруживающий прогульщиков и направляющий их в школу», “*database manager*” - «менеджер по базам данных» вместо “*database administrator*” - «администратор базы данных», “*sales manager*” - «менеджер по продажам» вместо “*sales assistant*” - «консультант-продавец», “*office manager*” - «офис-менеджер» вместо “*administrator*” - «администратор» и др.

На западе индустрия развлечений, отдыха и спорта всегда была на высоте, поэтому в этой отрасли также немало менеджеров. В их число входят:

“*project manager*” - «менеджер по управлению проектами», “*stage manager*” - «администратор студии», “*service manager*” - «менеджер по обслуживанию», “*road manager*” - «администратор гастролирующей труппы», “*football team manager*” - «менеджер футбольной команды» и др. Число профессий с компонентом “*manager*” значительно выросло в связи с развитием высоких технологий и с ориентацией на рыночную экономику. Так появились наименования профессий как: “*brand-manager*” - «бренд-менеджер», “*risk-manager*” - «риск-менеджер», “*training-manager*” - «менеджер по повышению квалификации», “*PR-manager*” - «специалист по связям с общественностью», “*top-manager*” - «топ-менеджер», “*city-manager*” - «сити-менеджер» и др. Действительно, в семантике слова “*Manager*” содержится как характеристика престижная стабильная работа, так и высокий стабильный доход, достижение социального успеха. За данной лексической единицей скрывается не столько профессия, сколько образ жизни, целая культура, которую можно назвать корпоративной или «культурой белых воротничков».

К другим наименованиям профессиональной деятельности, репрезентирующим положительные статусные значения помимо “*engineer*” и “*manager*”, можно отнести лексические единицы “*expert*” и “*trained*”: “*housing expert*” - «специалист по жилищному строительству», “*marketing expert*” - «специалист по маркетингу», “*livestock expert*” - «специалист зоотехник», “*trained social worker*” - «квалифицированный работник сферы социальных проблем», “*trained nurse*” - «дипломированная медицинская сестра», “*trained laborer*” - «обученный рабочий». Это в полной мере относится и к лексической единице “*technician*”, которая сегодня также популярна, как и “*engineer*” в прошлом веке. Некогда автомеханик “*car mechanic*” сегодня называется “*automotive technician*”, в салонах красоты услуги предоставляет не мастер маникюра, а “*nail technician*”, за животными теперь убирает “*scooping technician*”, а мойщик окон “*window cleaner*” зовется “*environmental technician*” (Keyes, 2010: 300).

Одним из способов повышения престижности наименования профессий является замена прямых номинаций словами с суффиксом “-ician”, который обладает значительным эвфемистическим потенциалом. В начале XX в.в. Америке широкое распространение вместо вызывавшего мрачные ассоциации “*undertaker*” - «гробовщик» получил эвфемистический субститут “*mortician*” - «владелец похоронного бюро», образованный по аналогии с “*physician*” - «терапевт» – профессии, связанной с лечением людей, а потому вызывающей положительные ассоциации. Далее последовал ряд модных, красивых наименований на суффикс “-ician” как “*beautician*” - «специалист косметического кабинета», “*esthetician*” - «эстетист», “*cosmetician*” - «врач-косметолог» и др. Отметим, что некоторые новообразования вышли из употребления именно из-за созвучности с “*mortician*”, а, точнее, из-за отрицательных коннотаций, появившихся у этого слова с течением времени. Позднее “*mortician*” подверглось дальнейшей (двойной) эвфемизации и заменилось словом “*funeral director*” - «директор бюро похоронных услуг», а “*cosmetician*” - «врач-косметолог» стало называться более заманчиво в глазах окружающих сочетанием “*make-up artist*” - «визажист». Часто эвфемистические переименования профессий используются не только с целью повышения престижа профессии, но и для маскировки первоначального значения. При использовании данных эвфемистических перифраз происходит замена на абстрактные наименования с размытой семантикой: “*health care providers*” (doctors) - «поставщики медицинских услуг», “*server (waiter)*” - «обслуживающее лицо», “*customer service attendant (hotel clerk)*” - «представитель службы по работе с клиентами», “*environmental health officer (sanitary inspector)*” - «специалист по вопросам гигиены окружающей среды» и др. Нужно сказать, что эвфемизмы в сфере занятости не ограничиваются лишь наименованиями профессий. В отдельную группу выделяются эвфемистические перифразы, связанные с увольнением сотрудников, так как потеря работы является одной из наиболее сложных социальных проблем. Сообщения об увольнении болезненно воспринимаются не только людьми,

оказавшимся без работы и обществом в целом, но зачастую нелегко даются самим работодателям. Управляющие старательно подбирают выражения, чтобы как можно безболезненней сообщить эту новость. Этим, возможно, объясняется появление множества обозначений, связанных с безработицей и увольнениями, такие как “*career change opportunity*” - «возможность сменить профессию», “*decrutment*” - «увольнение», “*downsizing*” - «сокращение штата», “*having to let people go*” - «вынужденные меры по сокращению штатов», “*restructuring*” - «реструктуризация» и “*workforce imbalance correction*” - «коррекция дисбаланса трудовых ресурсов» (ER 1).

Следует отметить, что слова и словосочетания, обозначающие этот круг понятий, имеют различный стиль и смысловые оттенки. Например, если сотрудник по каким-либо причинам не устраивает руководство и его просят покинуть компанию, то это увольнение носит сугубо личный характер и обозначается такими синонимами, как “*to fire*” - «выгнать с работы», “*to dismiss*” - «освободить от должности», “*to give the push*” - «уволить», “*to be given the sack*” - «вылететь с работы», “*to axe*” - «сократить», “*to discharge*” - «рассчитать». Если же компании по разным объективным экономическим причинам приходится идти на такие вынужденные меры, то этот процесс обозначается следующими эвфемизмами: “*downsizing*” - «сокращение штата», “*restructuring*” - «реструктуризация», “*streamlining*” - «оптимизация», “*reshaping*” - «перепрофилирование», “*involuntary force reductions*” - «вынужденное сокращение персонала», “*focussed reductions*” - «точечные сокращения», “*managing down the staff resources*” - «регулирование штата в сторону сокращения», “*cutbacks*” - «сокращения», “*back-to-basics policy*” - «возврат к исходному количеству персонала» (что значит, компания хочет сохранить только основной штат), а увольнение сотрудников при этом именуется как “*laid off*” - «сокращенный работник (главным образом временно)», “*let go*” - «освобожденный от занимаемой должности» или “*made redundant*” - «уволенный по производственным причинам», причем последнее выражение раньше употреблялось в случаях, когда рабочий терял место из-за

технологических инноваций, автоматизации производства или в результате закрытия самой компании либо ее филиала. Сейчас же слово “*redundant*” стало наиболее часто употребляемым эвфемизмом для “*unemployed*” - «безработный» (Торопцева, 2003: 142).

К этой группе политически корректных эвфемизмов, на наш взгляд, необходимо отнести эвфемизмы, употребляющиеся вместо слов и выражений, которые воспринимаются как «клеймо», акцентирующие внимание на низкую социально-статусную принадлежность. Здесь мы подробнее остановимся на слове “*homeless*”, вместо которого тактичнее использовать такие политически корректные субституты как “*outdoor urban dwellers*” - «городские жители, живущие на свежем воздухе» или “*residentially flexible*” - «гибкие» люди в плане места жительства». Далее, на смену лексической единицы “*homelessness*” употребляется выражение “*mortgage-free living*” – «жизнь свободная от залогов /ипотек», употребление слова “*loser*” заведомо создает «клеймирующую» негативную коннотацию, намного тактичнее будет использовать следующую эвфемистическую замену: “*uniquely fortunate individual on an alternative career path*” – «человек с уникальным везением и альтернативным путем в карьере» (ER1, ER2).

Слово “*bum*” обозначает людей, не имеющих ни дома, ни работы, ни каких бы то ни было материальных благ, занимающихся попрошайничеством. На смену слову “*bum*” пришло более туманное по своему смыслу выражение “*displaced homeowner*” – «смещенный домовладелец» или словосочетание, имеющее своего рода оправдательный подтекст “*involuntary domiciled*” - «вынужденно помещенный на постоянное местожительство». Вместо такой лексической единицы “*vagrant*” «бродяга», которая «ставит клеймо» на человеке, предпочтительней употребить более мягкое выражение “*nonspecifically destinationed individual*” – «человек, с четко необозначенным /невыраженным пунктом назначения/пребывания» (ER1, ER2).

Газета “*Chicago Tribune*” информирует о том, как некий активист по проблемам жилья давал следующие инструкции бездомным: «*Вы не*

бездомные, у вас, просто нет жилья, ведь ваш дом везде» - “*You are houseless but not homeless because home is whenever you are*” (ER7). Слово “*house*” определяется как – “*a building that you live in*”- «здание в котором ты живешь», а слово «*home*» в одном из значений –“*the place where you came from or where you usually live*” -«место, откуда ты родом или где ты обычно живешь» (Holder, 1991: 236).

Что касается населения с ограниченными финансовыми возможностями, как поясняет Г.Д.Томахин, происходили следующие трансформации : слово “*the poor*”-« бедные» в печати было заменено на “*the needy*”, “*the ill-provided*”- « необеспеченные», позднее на «*the deprived*» «лишенные благ», затем на «*the socially deprived*»-«социально обездоленные», “*the underprivileged*”- «малопривилегированные», еще позднее на “*the disadvantages*”- «*неповишие в менее благоприятные обстоятельства*» и последнее , актуальное на современном этапе наименование “*low-income people*”- «малообеспеченные» (Томахин, 1988: 113).

Проиллюстрируем это на примере (9):

(9) *It was designed for the truly needy,*” *the governor said last month. “During these difficult economic times, we need to go back to (providing) service to the neediest, not to middle-class families* (Lincoln Journal Star(ER 5)).

Вместо лексической единицы “*stoned*” во избежание неприятных ассоциаций в политически корректном обществе приемлемо использовать эвфемизм “*chemically inconvenienced*” – «испытывающий неудобства в связи с химическими веществами». Эвфемистическое словосочетание “*chemically challenged*” – «преодолевающий трудности, связанные с химическими веществами» обозначает «чуму» нынешнего столетия - наркозависимость. Словосочетание “*drug addict*” содержит приличную долю «приговора», вешает на человека общественно порицаемый «ярлык /клеймо». Эвфемизм “*chemically challenged*” обладает достаточным потенциалом превратить наркомана в больного человека, к которому будет проявлено сочувствие в обществе.

Из всего вышесказанного, можно отметить эффект, так скажем, «целительного» воздействия политически корректных эвфемизмов, с одной стороны, отсутствует негативное оценочное суждение по социально-статусному признаку, «клеймящее» человека, а с другой стороны, проблемы и противоречия социального неравенства воспринимаются не так остро. На процесс формирования политически корректных эвфемистических средств оказывают влияние различные факторы, в том числе, стремление избежать коммуникативных конфликтов, смягчить остроту социальных и политических противоречий, а также усиление роли статусных порядков, определяющихся стилем жизни, принадлежностью к социально-статусной группе. В рамках политкорректности эвфемия предполагает размывание семантического поля явления или же его «облагораживание» вплоть до подмены последнего, а значит, целью является такое языковое воздействие, которое преобразует (хотя бы отчасти) представление о мире адресата и его оценку модели мира, т.е. совокупность представлений об устройстве действительности. Эвфемия воссоздает образ мира в иной конфигурации, преподносит действительность в красивой «упаковке», подменяя содержание формой его выражения, при этом сама эта форма напрямую зависит от исторического и социокультурного контекста коммуникации.

2.2.3. Особенности употребления политически корректных эвфемизмов касательно внешнего вида, возрастной категории и физического потенциала человека

Политическая деятельность напрямую связана со всеми сферами деятельностями социума, как внутри страны, так и за ее пределами. Основные субъекты любой сферы деятельности – люди и они, так или иначе, обращают внимание на физические отличия между собой в процессе взаимодействия. Именно на этой основе и формируются так называемые «универсальные

параметры» или «стандарты внешнего вида», под которые многие подстраиваются. Однако, это сделать достаточно не просто и далеко не каждый желает соответствовать единичному эталону. Некоторых совершенно не заботят «эталонные образчики», а другие, напротив, чувствуют дискомфорт и незащищенность, имея дело с языковой бестактностью. Некорректное политическое поведение в отношении внешнего вида получило название “*lookism*” (англ. *look*— смотреть, проверять) – “*favouring the attractive over less attractive*” «предпочтение более привлекательного менее привлекательному». Существуют специальные термины, которые обозначают разные виды “*lookism*” (лукизма). Например, термин “*fattism*” (англ. *fat* — толстый), обозначает дискриминацию по отношению к полным людям, с целью оскорбить, людей, страдающих лишним весом. Дискриминация, связанная с весовой категорией человека, называется “*weightism*”, а дискриминация по параметрам роста обозначена словом “*heightism*”. В дальнейшем, было предложено объединить различные дискриминации по отношению к физическим параметрам единым понятием “*sizeism*” или «*sizism*», здесь же фигурирует понятие “*ableism*”, обозначающее некорректное поведение, связанное с физическими возможностями человека.

На базе исследования материалов Интернет – порталов можно выделить целый ряд эвфемизмов, объединенных отношением к разным параметрам внешности человеческого существа. Все это многообразие эвфемистических замен на основе «антропоцентрического признака» целесообразнее разделить на 4 основные подгруппы. Первая группа сформирована на основе описания внешности и неких личных качеств человека.

Начнем со слова “*fat*” (русс. *полный, тучный*) так как в связи с нездоровым питанием и невероятного прогресса в индустрии фаст-фуда проблема лишнего веса сейчас как никогда актуальна. Были обнаружены следующие эвфемизмы, заменяющие слово “*fat*” — “*differently weighted*” - «*принадлежащий к другой весовой категории*», “*horizontally gifted*” - «*в*

пропорциональном отношении одаренный», “*gravitationally challenged*”- «преодолевающий трудности, связанные с земной гравитацией».

(10) *Clyde Haberman of The New York Times... described a rotund Turkish political figure as kilogramically endowed (The New York Times Magazine(ER 13)).*

Данный пример иллюстрирует еще одну эвфемистическую замену слова “*fat*”- “*kilogramically endowed*”- «фактурный, не страдающий недостатком в весе», что говорит об неотъемлемом развитии и, как следствие, невероятном разнообразии эвфемистических замен, при попытках избежать любых форм дискриминации относительно «пространственных» параметров человека.

Весьма интересно сформировались политически корректные замены слова “*short*” (русс. невысокого роста). Помимо «хрестоматийных» примеров, типа “*short*” – “*vertically challenged*”- «преодолевающий трудности из-за вертикальных пропорций» и “*horizontally challenged*” – «преодолевающий трудности из-за горизонтальных пропорций», хочется добавить еще несколько, с нашей точки зрения, очень необычных политически корректных эквивалентов лексической единицы “*short*” – “*anatomically compact*”- «компактный, с анатомической точки зрения», “*vertically inconvenienced*”- «испытывающий неудобство в вертикальном пространстве»; “*vertically enhanced*”-«усиленный» в вертикальном пространстве» (ER 7).

В эту подгруппу также будут относиться эвфемизмы, описывающие личностные, индивидуальные качества и характерные черты характера человека, например, такие как: “*chronically late*” - «хронически опаздывающий»; “*temporarily challenge*”- «преодолевающий трудности, связанные с временем»; “*dishonest*”- «нечестный» – “*ethically disoriented*”- «дезориентированный в плане этики»; “*lazy*”- «ленивый» – “*motivationally deficient/dispossessed*”- «лишенный мотивации», “*energetically declined*” - «испытывающий энергетический спад», “*energetically-challenged*” - «преодолевающий трудности, связанные с энергообменом»; индивидуальные особенности человека в физиологическом и ментальном отношениях:

“ignorant” – «невежественный» – “factually unencumbered” – «не обремененный фактически существующими данными»; “knowledge-base nonpossessor” – «не обладающий базовыми знаниями»; “illiterate”- «неграмотный» – “alternatively schooled” – «обученный альтернативно», “verbally deficient” - «несовершенный вербально»; “specially skilled” – «обладающий особыми навыками» - “uniquely proficient” – «уникальный в профессиональном плане»; “stinky” - «вонючий» – “uniquely fragrant” - «обладающий уникальным запахом»; “stupid” – «глупый» - “intellectually impaired” – «ослабленный с точки зрения интеллекта», “differently-brained” – «с другим складом ума»; “ugly”- «уродливый» – “cosmetically different” – «косметически другой», “aesthetically different” – «эстетически другой», “facially challenged” – «преодолевающий трудности из-за внешнего вида»; “wrong”- «ошибочный, ложный» - “differently logical”- «обладающий другой логикой» (ER 5; ER 1).

Каждый человек индивидуален и уникален по-своему, но, к счастью или нет, как реальность действительности в мире существует «стандартизированность внешней привлекательности» и человеческая уникальность в некоторых случаях может стать объектом жестоких шуток и неуместных комментариев. Создатели и сторонники политически корректной лексики говорят о том, что именно термины, основанные на «принципе социальной приемлемости» на порядок нивелируют эту «стандартизированность», что является принципом политической корректности как культурно-поведенческой и языковой практики.

Этот принцип подразумевает изначальное, основополагающее положение о том, как, когда и где необходимо употреблять политически корректные лексические единицы вместе некорректных, указывающих на расовую, половую, социально-статусную, возрастную принадлежности, на состояние здоровья, внешний вид или же любую другую характеристику, которая может быть воспринята и интерпретирована как дискриминирующая.

Нужно отметить, что исследуя различные единицы политически корректной лексики, чье формирование и использование вполне объяснимо и даже в некоторых случаях необходимо, нельзя не заметить некоторую долю иронии, сарказма и желая чуть ли не на 100% «исказить» явления действительности. Чтобы подтвердить эти слова, приведем некоторые примеры: “*shell-shock*” (русс. контузия) - “*post-traumatic stress disorder*” (посттравматическое расстройство на основе полученного стресса); “*to kill*” (русс. убивать) – “*to neutralize*” (русс. нейтрализовать); “*dead*” (русс. мертвый) – “*living impaired*” (русс. живущий в испорченном состоянии); “*metabolically different*” (русс. метаболически другой); “*biologically challenged*” (русс. преодолевающий трудности биологического плана); “*environmentally correct person*” (русс. «правильный» с точки зрения окружающей среды); “*false teeth*” (русс. искусственные зубы) – “*dental appliances*” (русс. стоматологическое оборудование); “*serial killer*” (русс. серийный убийца) – “*person with difficult-to-meet needs*” (русс. человек, требованиям которого трудно угодить); “*shoplifter*” (магазинный вор) – “*cost-of-living adjustment specialist*” (специалист по регулированию прожиточного минимума) (ER5).

Не многие подобные замены приживаются, так как зачастую вызывают крайнее неодобрение со стороны общества, в связи с тем, что утрата чувства меры в создании подобного рода политически корректной лексики, может свести на нет, все исключительно положительные стремления и намерения. Чрезмерное усердие в создании политически корректной терминологии приводит к созданию политически корректной лексики для наименований, не являющихся запретными, нежелательными.

Отдельного рассмотрения требуют эвфемистические замены лексических единиц, указывающих на возрастную категорию человека. Возник даже термин “*ageism*” - притеснение людей определенного возраста. С тем, чтобы не обидеть, например, людей почтенного возраста, в языке последних десятилетий появилось слово “*middlescence*” (по аналогии с “*adolescence*”) период жизни от 40 до 65 лет. Следующий период, от 65 лет и далее принято

стало называть “*third age*”. Употребление слов и выражений, обозначающих преклонный возраст, таких как “*old people, elderly, aged, geriatric, retired person, old timer*” подлежат обязательной корректировке, так как не соответствуют принципу политически корректной избирательности и интерпретируются, как обидные, оскорбительные и вообще неприемлемые.

(11) *The plan also includes a catastrophic – coverage provision that would pay any prescription drug costs above \$6000 in a year for any senior, regardless of income* (The Washington Post (ER3)).

(12) *Japanese toy makers now see senior citizens as their most dynamic market* (Newsweek (ER4)).

(13) *While most area churches assist people who might need support from the others, such as the homeless, senior citizens, single parents or drug/alcohol abusers, there has not been any unifying body to coordinate these efforts efficiently* (The Gazette (ER3)).

(14) *For Ms Jose there is no moral dilemma in breaking the law to bring people from Mexico – most of them elderly or needing medical care – to their tribal hospital in Sells* (The Dallas Morning News (ER3)).

Нетрудно заметить, что в первых трех примерах употреблен термин “*senior*”, политически корректный на данный момент. Последний пример все же показывает употребление слова “*elderly*” – «престарелые», которое каких-то 20 лет назад являлось вполне корректным эвфемизмом, на данный момент потеряло свою эвфемистическую способность и, согласно “*The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*”(Beard, Cerf 2008) относится к разряду политически некорректных. В свою очередь эвфемизмы “*senior citizens, seniors, golden agers*” считаются более употребительными и приемлемыми. Эвфемизм “*senior citizens*” появился на смену лексической единице “*geriatric*” - «*гериатрический, старый*», которая появилась примерно в 1910 году. Лексическая единица “*senior*” в качестве компонента эвфемистического субститута несет «двойную» смысловую нагрузку, не только в значении “*older*”, но и «выше по рангу». Примерно в 60-х годах XX века

появляется эвфемизм “*elderly*”. Однако же, употребление эвфемизма «*senior*» широко распространено, например, “*special senior cards, discounts, monthly newspaper «Seniors'Week»*”. В повседневном общении эвфемизмы “*advanced in age person, advanced adult, gerontologically advanced, people of the «third age», third ager*” успешно выполняют функцию смягчения. Так же существуют целые эвфемистические словосочетания “*seasoned American*”-«выдержанный американец», “*experientially enhanced person* - «усиленный опытом», “*chronologically gifted*»-«одаренный в возрастном плане», “*mature American*” или выражения “*jolly 70-but-could-pass-for-50-old people*” – «веселые, 70-летние люди, которых можно принять за 50-летние», “*Golden Years*” - «представители «золотых» лет», “*September people*” - «люди сентября», “*Autumn years*” -«представители «осеннего» возраста прочно вошли в повседневный обиход и активно используются в СМИ (ER 8).

Со структурной точки зрения, эвфемизмы представляют собой многокомпонентные образования, в состав которых, входят лексические единицы с ярко выраженной положительной семантикой. Например, “*advanced, gifted*”, своеобразие языкового употребления, которых в политически корректном общении, сопряжено с актуализацией «положительного» смысла. Например, компонент “*advanced*»” обладает подтекстом «прогрессивный, знающий», а компонент “*gifted*” вызывает целый ассоциативный ряд «особенный, отличающийся от других, выдающийся в силу каких-то особых качеств». Благодаря положительному семантическому ядру слова “*gifted*” создается эффект трансформации «недостатка» в достоинство, «минус» превращается в «плюс». Вполне логично, что на ряду с эвфемизмами касательно людей преклонного возраста были созданы и эвфемистические замены, эвфемизмы, служащие заменами понятия «дом престарелых». Синонимический ряд эвфемизмов, смягчающих понятие “*old peoples' homes*” представляет собой следующий темпоральный континуум: “*old peoples' homes, old folk's home, old age homes, homes for the aged, rest homes, senior citizens'*

homes, retirement homes, nursing homes, group homes, residential care, special care homes, nursing facilities, long-term facilities, long-term care facilities, male (female) nursing facilities” .

На одном из Интернет сайтов Великобритании “*Nursing Homes Registry in the UK*” предлагается следующее пояснение по существующей системе и специальным программам для работы и ухода за престарелыми: “...*programs and services for people in or near their retirement year*” (ER 10). В данном случае использован эвфемизм в функции смягчения в соответствии с принципами политически корректной избирательности и социальной приемлемости употребления, более того, здесь, на наш взгляд, действует «социально регламентируемый запрет». К. Барридж приводит следующие эвфемистические наименования больниц и домов для престарелых. Например, больница для пожилых людей называется “*Sunset*”. Дома престарелых называются весьма поэтично, например, “*Twilight Home*”, “*Sundowners*”, “*Eventide Home*”, по мнению исследователя, в данном случае происходит сочетание табуированной темы с приятным понятием, что немало важно для людей такой возрастной группы. (“*The taboo topic is paired up with pleasurable notion*”) (Burridge, 2004: 223). Сопоставительный анализ фактического материала показал преобладающее количество лексемы “*homes*” в составе эвфемистических субститутов при переименовании понятия “*old peoples' homes*” в СМИ Великобритании. В США, в средствах массовой информации, наряду с вышеупомянутыми эвфемизмами употребляются следующие выражения: “*elder care centers*”, “*community care facilities for the elderly*”, “*old soldiers' homes*”, “*group homes for elderly*”(ER 7).

Отдельную группу политически корректной лексики составляют лексические единицы, относящиеся к области медицины, термины, заменяющие слова и выражения, которые могут быть восприняты, как оскорбляющие честь и достоинство социально ущемленных, незащищенных групп социума, к ним относятся люди, страдающим тяжелыми хроническими и генетическими недугами, инвалиды.

Основываясь на результатах исследования, выделена подгруппа политически корректных наименований, в которую входят эвфемизмы, исключаящие дискриминацию на основе физического потенциала индивидуума *“ableism”*. В соответствии с перечнем основных правил этики общения с инвалидами *“Basic Etiquette: People with Disabilities”*, рекомендуется избегать употребления целого ряда лексических единиц: *“cripple, victim, defect, invalid, diseased, wheelchair bound”*. Выражения типа *“people with hearing (sight) problems”* подлежат замене следующими эвфемизмами *“temporarily aurally disabled”* (русс. *имеющий временные проблемы со слухом*), *“hearing impaired”* (русс. *с ослабленным слухом*), *“temporarily visually disabled”* (русс. *имеющий временные проблемы со зрительным восприятием*). Такие эвфемизмы как *“deaf and speech-impaired”*; *“hearing and speech-impaired”* заменили неприемлемое выражение *“deaf and dumb”*, или вместо словосочетания *“deaf and mute”* употребляется выражение *“person having a speech impediment”* (русс. *имеющий задержки в речевом развитии*). Вместо лексической единицы *“deaf”* употребляется эвфемизм *“visually oriented”* (русс. *ориентирующийся при помощи зрения*) (ER 7).

С эвфемизмом *“disabled”* произошли изменения, характерные для всех эвфемизмов. После нескольких лет высокочастотного употребления эвфемизм произошло стирание его непосредственной эвфемистической функции, на смену ему появился другой эвфемизм *“abled”*. Эвфемизм *“disabled”* негативно коннотатирован за счет приобретения негативных ассоциаций, связанных с существованием определенных «норм», стандартов, используемых для оценки способностей индивидуума в обществе. Лексическая единица *“disabled”* актуализирует значение «оценка уровня способностей», в двух ипостасях, либо неспособность, либо низкая способность к какому-то виду деятельности. Так смягчающая функция этого эвфемизма теперь заключена в слове *“challenged”*- (русс. *преодолевающий трудности*) В ходе настоящего исследования были выявлены следующие соответствия, например, лексической единице *“mute”* (русс. *немой*) соответствует эвфемизм *“vocally challenged”* (русс.

преодолевающий трудности голосового/вокального плана) или “*verbally challenged*” (русс. преодолевающий вербальные трудности). Лексическую единицу “*blind*” сначала заменило выражение “*visually disabled*”, затем “*sight impaired*” и “*visually challenged*”. Некорректно и недопустимо использовать выражение: “*a C.P.*” (*cerebral palsy* – церебральный паралич), вместо него рекомендуется использовать выражение “*person who has a spinal cord injury*” (ER 2).

Эвфемистическое выражение “*person with Down's Syndrome*” заменяет неприемлемое слово “*Mongol /mongoloid*”, которое приобрело негативную, обидную коннотацию. Детей с задержкой умственного развития, плохо поддающихся обучению, эвфемистично именовали “*children with learning disability*”, этот пример стал почти «классическим» в исследованиях по эвфемии и политической корректности. В ходе исследования обнаружен следующий эвфемизм, основанный на принципе политически корректной приемлемости, и отвечающий требованиям политически корректной избирательности “*children with self-paced cognitive ability*”- «*дети со своей собственной, специфичной когнитивной способностью/способностью к обучению*». Можно предположить, что наличие в составе эвфемизма компонента “*cognitive ability*”, способствует трансформации значения всего наименования, не лишает индивидуума, а, наоборот, «наделяет» его способностями к когнитивной деятельности, при этом акцентируется внимание на специфичности, «уникальности» индивидуального процесса познания. В качестве примера рассмотрим еще одну политически корректную номинацию – “*special children*”- «*особые дети*», которая в английском языке является корректной альтернативой для именованя умственно отсталых детей “*retarded children*”. Сравним определения дефиниций “*retarded*» и “*special*”. Лексическая единица “*retarded*” раскрывается в следующем значении : “*a word for someone who is less intelligent or mentally developed than other people*” (LDCE, 2001 :1395) – «слово используется для именованя человека, который имеет недостаточное умственное или психическое развитие». Определение

слова “*special*” заключено в следующих словарных дефинициях: 1. “*not ordinary or usual, but different in some way and often better or more important*”; 2. “*particularly important to someone and deserving attention, love etc.*”; 3. “*unusually good*”; 4. “*more than usual*” (LDCE, 2001:1693) - 1. «необычный, отличный, и часто лучший или более важный»; 2. «особенно важный для кого-либо и заслуживающий внимания, любви и т. д.»; 3. «необыкновенно хороший»; 4. «более чем обычный / обыкновенный». Проводя сопоставление словарных пояснений, нетрудно заметить, что лексическая единица “*special*” имеет более абстрактное значение в отличие от “*retarded*”, означаемое которого сводится к простому умственному недостатку. Таким образом, номинация “*retarded children*” имеет определенно однозначную интерпретацию, а именно «умственно отсталые ученики». Знак “*special*” именно вследствие абстрактности и неопределенности своего означаемого допускает широкий диапазон возможных семантических интерпретаций: особенный, выдающийся, превосходный, не такой как все и т. д., они воспринимаются как позитивные характеристики, таким образом, включается «механизм» положительного ассоциативного ряда, тем самым сглаживая «дискриминирующие отличия» таких детей (ER 1).

Далее мы рассмотрим появление многосоставных эвфемизмов, служащих политически корректной заменой слова “*cripples*”- (*русс. инвалиды*), и исключающих проявление вербальной агрессии, дискриминацию на основе физических возможностей человека представляет собой следующий синонимический ряд: “*crippled – handicapped – disabled*» – *differently-abled – delayed /impaired – challenged*”. Интернет сайт «*Grammar and Style Guide Political Correctness*» предлагает следующие политически корректные инструкции, о которых необходимо помнить при общении с инвалидами. К примеру, надпись: “*The event is handicapped accessible /wheelchair accessible*”, которая информирует о том, что место, где будет проходить какое-либо мероприятие, оборудованное для передвижения людей, находящихся в инвалидных креслах, является политически некорректной. Социально

приемлемая надпись должна иметь примерно следующее звучание: “*The event is accessible to people with disabilities /physically challenged people*”- «мероприятие доступно для людей с иными физическими возможностями/ с людьми». При анализе газетных и журнальных статей можно выделить примеры (15-17), обозначающие людей с какими-либо недостатками:

(15) *Project Income’s most dramatic feature calls for helping Powell and nine other people start their own businesses, a concept that is just emerging throughout the country as a choice for those who are developmentally impaired* (The Washington Post (ER8)).

(16) *The money will be used to provide before-and-after-care educational and social services for children under eight and students with disabilities* (The Gazette (ER8)).

(17) *On Wednesday at the Vocational Guidance Services in Cleveland Mr.Bush unveiled a five-year \$ 145 million proposal to improve transportation access for the disabled* (The Dallas Morning News (ER6)).

Обратим внимание на пример (17) : слово “*the disabled*” не вполне уместно, так как на данном этапе функционирования политической корректности некоторые ее сторонники считают его не совсем корректным по отношению к людям с физическими недостатками. Выражение “*students with disabilities*” носит несколько смягченный характер по сравнению с “*the disabled*”.

Пример (18) иллюстрирует замену слова целым выражением из нескольких компонентов:

(18) *That there is a new awareness, a new consciousness, a new commitment to better treatment of those disadvantaged by mental or physical impairments does not establish that an absence of state statutory correctives was a constitutional violation* (The New York Times (ER6)).

Выражение “*those disadvantaged by mental or physical impairments*», конечно, носит ярко – выраженную эвфемистическую функцию и в данном случае употреблен с целью заменить “*the disabled*” или “*the impaired*”.

(19) *I would prefer to see a much more focused effort on reducing class size for kids that have special needs, or disadvantaged areas”, Professor Lazear said (The New York Times (ER6)).*

В примере (19) речь идет о детях с поведением, отличающимся от общепринятых норм, но вместо обычного словосочетания “*disruptive children*” использовано корректное выражение “*kids that have special needs*” - «*дети, обладающие специальными/специфическими потребностями*».

В рекомендациях говорится о том, что, общаясь с инвалидами, необходимо всегда «сохранять людей в «картине» политически корректного общения» “*to keep people in the picture*”. Таким образом, обстоит дело и в случае с надписью: “*wheelchair accessible*” – “*wheel chairs don't attend events, people do*”- «*инвалидные кресла не посещают мероприятия, это делают люди*».

Подводя итог, мы можем заключить, что специфика формирования эвфемизмов, смягчающих физические и умственные недостатки, заключатся в том, что в основе процесса формирования и подбора новых эвфемистических субститутов, лежит принцип вежливости, стремление уберечь социально ущемленные группы людей от возможных обид, оскорблений, проявлений в их адрес вербальной агрессии.

Выводы по ГЛАВЕ II

Проведенное практическое исследование в соответствии с поставленными задачами позволяет прийти к следующим выводам.

1. Происходит формирование нового пласта лексики, не имеющего маркировки по гендерному признаку, выделяется «принцип безотносительности наименования профессии к половой принадлежности», то есть используется способ языкового выражения для наименований профессий, не указывающих на половую принадлежность, во избежание дискриминации по половому признаку. К примеру: 1) слово “*man*” было заменено на сочетание “*human being*” или на другие слова в контекстах, где имеются в виду все люди, а не только мужское население : “*chairman – chairperson, congressman – congressperson, spokesman – spokesperson, committee man- committee person*”; 2) слова с суффиксом “- *ess/ -ette*”, обозначающими лица женского пола, заменяются на нейтральные. Например, вместо слова “*stewardess*” употребляется “*flight attendant*”, а слово “*hostess*” превратилось в “*host*”; 3) слова “*Miss* и *Mrs*”, обладающие неким отпечатком семейного положения, были заменены словом “*Ms*”, которое так же, как и слово “*Mr*”, не обозначает семейного положения человека.

2. Самой продуктивной сферой, с точки зрения формирования эвфемизмов является сфера социально-статусных различий. На данный момент большинство названий различных профессий уже переименованы с учетом политически корректных соображений: 1) “*prison guards*” превратились в “*correctional /custodial officers*”; сами же заключенные теперь зовутся “*clients of correctional system*”; 2) наименование профессии “*cowboy*” теперь звучит как “*bovine control officer*” – «офицер-контролер скота»; “*janitor*” заменяет более «усложненный» политически корректный субститут “*environmental hygienist*” – «специалист по вопросам гигиены окружающей среды»; “*garbage collector*”- «мусорщик» обозначает крайне малопривлекательную форму занятости, но

совершенно по-другому предстает преобразованная, «обновленная» при помощи наукообразного аффикса “-ist”, лексическая единица “garbage”, превращает слово в “garbologist”; 3) “help” - «домработница» вместо “servant” - «прислуга», “daily help” - «приходящая работница» вместо “charwoman” - «поденная уборщица», “hired help” - «наемный работник» вместо “hired man, hand” - «наемный рабочий / батрак»; 4) “undertaker” - «гробовщик» получил эвфемистический субститут “mortician” - «владелец похоронного бюро», образованный по аналогии с “physician” - «терапевт» – профессии, связанной с лечением людей, а потому вызывающей положительные ассоциации. Впоследствии появился целый ряд модных, красивых наименований на суффикс “-ician” как “beautician” - «специалист косметического кабинета», “esthetician” - «эстетист», “cosmetician” - «врач-косметолог» и др.

3. Отдельное внимание уделяется формированию и функционированию политически корректной лексики касательно внешнего вида, возрастной категории и физических возможностей человека. Как неотъемлемая реалья действительности существует большое количество «стандартов внешней привлекательности», что может каким бы то ни было образом оскорбить честь и достоинство людей, не вписывающихся в «эталонные образчики». Более того, особая специфика формирования существует у эвфемистических замен для наименования физических и умственных недостатков, призванных уберечь социально ущемленные группы от возможных проявлений вербальной агрессии в их адрес. Например: 1) эвфемизмы, заменяющие слово “fat” — “differently weighted” - «принадлежащий к другой весовой категории», “horizontally gifted»” - «в пропорциональном отношении одаренный», “gravitationally challenged” - «преодолевающий трудности, связанные с земной гравитацией»; 2) выражения “people with hearing (sight) problems” подлежат замене следующими эвфемизмами “temporarily aurally disabled” (русс. *имеющий временные проблемы со слухом*), “hearing impaired” (русс. *с ослабленным слухом*), “temporarily visually disabled” (русс. *имеющий временные проблемы со зрительным восприятием*). Такие эвфемизмы как “deaf and

speech-impaired”; *“hearing and speech-impaired”* заменили неприемлемое выражение *“deaf and dumb”*, или вместо словосочетания *“deaf and mute”* употребляется выражение *“person having a speech impediment”* (русс. *имеющий задержки в речевом развитии*). Вместо лексической единицы *“deaf”* употребляется эвфемизм *“visually oriented”* (русс. *ориентирующийся при помощи зрения*); 3) неприемлемое слово *“Mongol /mongoloid”* заменяют следующие эвфемистические словосочетания *“person with Down's Syndrome”*, *“children with learning disability*, или же *“children with self-paced cognitive ability”*- *«дети со своей собственной, специфичной когнитивной способностью/способностью к обучению»*.

4. Исследование продуктивных сфер, с точки зрения формирования эвфемизмов, выявило увеличение численности эвфемизмов «антропоцентрического» плана, что связано с интенсивностью процессов эвфемизации в социальных сферах.

5. Затронута проблема феномена псевдоэвфемии, или, так сказать, языка-демагогии, который формируется целенаправленно, чтобы, вводить в заблуждение, создавая мнимый «коммуникативный эффект», искажая информацию, манипулируя сознанием реципиентов таким путем, каким это выгодно манипуляторам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предпринята попытка провести системное исследование специфики возникновения, формирования и функционирования феномена политической корректности и основных средств ее выражения в языке - эвфемизмов в современном английском языке на основе обобщения и анализа имеющихся теоретических и практических материалов в области политической корректности и эвфемии. Взаимосвязь трех аспектов: психологического, социального и лингвистического обуславливает многогранность проблем феномена политической корректности и эвфемии.

За последние несколько десятков лет произошли существенные перемены в разных сферах человеческой деятельности, что в свою очередь повлекло за собой не менее существенные изменения в жизненно необходимой и самой главной знаковой системе – языке. На данный момент в подробном изучении феномена политической корректности заинтересованы многие исследователи, так как он многоаспектен и неоднозначен для понимания. «Политическая корректность» представляется её идеологам как одно из наиболее действенных и эффективных средств избежания конфликтов в поликультурном обществе путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям.

Эвфемизмы являются основными языковыми посредниками между человеческим сознанием и идеями политической корректности. Отсутствие статичности, неизменности религиозных, моральных, этических, нравственно-ценностных мотивов предопределяет сужение одних сфер эвфемизации, и расширение других. Универсальность эвфемизма, взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических факторов составляет суть

лингвистического аспекта. Принимая во внимание различные подходы, аспекты, лежащие в основе дефиниций эвфемизма, а, также основываясь на элементах метода компонентного анализа, выделены характеристики, отражающие сущность понятия «эвфемизм». Целесообразность выделения основных характеристик эвфемизма обоснована поставленной целью и рядом задач исследования. Общая сущностная характеристика эвфемизма, понимаемая в самом широком смысле, заключается в его способности модифицировать тематически стигматичное явление посредством изменения формы при относительном сохранении содержания. Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической литературе накоплен обширный материал по изучению эвфемизмов в свете различных аспектов. Рассмотрение проблемы эвфемии в публикациях, представленных лингвистами и сопоставление различных подходов к проблеме эвфемии, позволяет прийти к заключению, что заметно расширился спектр мотивов, порождающих эвфемизмы.

Для объединения эвфемизмов по группам, исследователями было выделено четыре функциональных признака: 1) определения, сформированные по признаку смягчения; 2) соблюдения правил правила этикета, морально-этического аспекта, социальной обусловленности; 3) акцент на социальную обусловленность и функциональную направленность эвфемизма, на маскировку действительности; 4) стремление отразить три взаимосвязанных аспекта эвфемизмов: социокультурный (в том числе и психологическая мотивация), прагматический, лингвистический (иносказательное обозначение).

Мотивация использования политических эвфемизмов выражается в: 1) стремление завуалировать негативные стороны явлений действительности; 2) стремление ретушировать негативные последствия неприглядных политических и экономических мер; 3) стремление сохранить баланс социально-статусных интересов на уровне государства, с целью создания оправдательного пропагандистского эффекта, как средства предотвращения общественных разногласий.

Являющаяся ориентиром для многих система «имиджей», иерархия престижности, социальный статус человека в обществе, его социальные приоритеты и др. привели к появлению эвфемистических названий для немодных, среднестатистических профессий. Эвфемистические переименования названий непрестижных профессий обладают, с одной стороны, «компенсаторной силой» как средство приобщения к представителям привлекательной статусной группы, а с другой стороны, создают эфемерную надежду на возможность повышения своего статуса, иллюзию «повышения в ранге». Использование политических эвфемизмов как средства языковой маскировки представляет собой видоизмененный способ репрезентации информации, в основе которого лежит социально-оценочное использование политических эвфемизмов, с целью передачи смысла высказывания при наделении предмета высказывания необходимым смыслом. Эвфемия в сфере экономики, политики и культурно-поведенческая и языковая практика - политическая корректность в социальных сферах имеют много сходства, в результате, отсутствуют релевантные критерии для четкого разграничения этих двух взаимосвязанных явлений.

Итогом рассмотрения лексического уровня политической корректности является выделение трех наиболее продуктивных принципов политической корректности; принцип безотносительности наименования профессии к половой принадлежности; принцип соответствия требованиям политически корректной избирательности; принцип социальной приемлемости. Результаты исследования свидетельствуют о том, что проблемы социально-статусного и нравственно-этического плана способствуют увеличению числа политически корректных эвфемизмов в «антропоцентрических» сферах.

Также была затронута проблема псевдоэвфемии, которая создает мнимый «коммуникативный эффект», искажает восприятие информации о различных явлениях действительности и вводит в заблуждение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер Д. Борьба против политической корректности // Америка.- 1993.- № 442. – С. 17-20.
2. Артюшкина Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: дисс... канд. филол. наук. – М., 2002. – 135с.
3. Белл Р.Т. Социоллингвистика – М., «Международные отношения», 1980. – 200 с.
4. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка. – Л.: ЛВУ, 1985. – 136 с.
5. Босчаева Н.Ц. Контекстуальная эвфемия в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 190 с.
6. Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2004. – 176 с.
7. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля: Этимология. – М.: Наука, 1995. – 285 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 150 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
10. Глиос Е.С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке (на материале англоязычных Интернет сайтов): дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007. –198 с.
11. Донской В.Ф. О табу и эвфемизмах. – Иркутск, 1996. – С. 119-132.
12. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Наука, 1999. – 124с.
13. Заболотная Г. М., Шило И.Н Толерантность и доверие - социальные ориентиры современного общества // Вестник ТГУ.-2003.-№1.- С. 102-105.

14. Иванова, О.Ф. Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: дис. ... канд. филол. наук / О.Ф. Иванова. – М., 2004. – 181 с
15. Иванова, О. Политкорректность в России / О. Иванова // Вестник Евразии. – 2002. – №3. – С. 62-71.
16. Карасик В.И. Язык социального статуса. Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
18. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004гг.): дисс. ... канд. филол. наук. – Киров, 2005. – 159 с.
19. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова . – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 192 с.
20. Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. №5 – М., 1994. – С.76
21. Лекторский В.А О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. -1997.-№ 11.- С.46-54
22. Михайлова О.А. Содержание понятия эвфемизм. К постановке проблемы: Слово. Фраза. Текст, (сб. науч. статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко). – М.: «Азбуковник», 2002. – С. 280-284.
23. Москвин В.П. Эвфемизмы: Системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания – 2001. - №3. – С.58-70.
24. Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации: на материале английского языка в сопоставлении с русским: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 192 с.
25. Остроух А.В. «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы: дисс. ... канд. культуролог. наук . – М., 1998. – 179 с.

26. Палажченко М.Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на материале англ. и русск. яз): дисс. ... канд. культуролог. наук. – М., 2004. – 239 с.
27. Панин В.В. Политическая корректность культурно-поведенческая и языковая категория: дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 217с.
28. Почепцов Г.Г. Язык и юмор. – Киев: Высшая шк., 1974. – 318 с.
29. Резников, А.Л. Теория языка Дж. Оруэлла / А.Л. Резников. – Петрозаводск, 2002. – С. 76-77.
30. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
31. Томахин Г.Д. Реалии – американцы. – Москва, «Высшая школа», 1988. – 136 с.
32. Торопцева Е.Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 193 с. и 142с.
33. Турганбаева Л.С. Функциональная семантика эвфемизмов в современном французском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 154 с.
34. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
35. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 276 с.
36. Allen I.L. Unknown words: Ethnic Labeling from Redskin to WASP. – New York – Westport – London, 1990. – 200 p.
37. Anderson L.G. Bad Language . – London: Penguin Books, 1992. – 348p.
38. Anshen F. Languages and the Sexes. – State University of New York Press, 1983. – 250 p.
39. Bauman Michael E. Are you politically Correct? : Debating America's cultural standards. – Buffalo: Prometheus Book, 1990. – 169 p.
40. Bolinger D. Language: The loaded Weapon. The Use and the Abuse of the Language Today. – Longman, London - NY, 1984. – 214 p.

41. Burrige K. Political Correctness: Euphemism with Attitude // English Today – 1996. – Vol. 12, No.3. – pp. 42-49.
42. Burrige K. Blooming English: Observation on the Roots, Cultivation and Hybrids of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 242 p.
43. Capel A. Advanced Masterclass CAE. – Oxford, 2006. -206 p.
44. Kany Ch. American-Spanish Euphemisms . – University of California Press, Berkley and Los Angeles, 1990. – 249 p.
45. Lawrence J. Unmentionables and Other Euphemisms. – London: Gentry Books, 1973. – 184 p.
46. Lutz W. Doublespeak. From «Revenue Enhancement» to «Terminal Living». How Government, Business, Advertisers and others Use Language to Deceive You. – New York: Harper&Row, 1989. – 263 p.
47. Neaman J.S. Book of Euphemism. – Wordsworth Reference, Wordsworth Editions Ltd, 1995. – 373 p.
48. Partridge A. Usage and Abusage. – New York, 1964. – 379 p.
49. Keyes R. Unmentionables. -UK: Hachette, 2010. -300 p.
50. Spears R. Slang and Euphemisms. – 1981. – 462 p.
51. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. – London, 1995. – 204 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов . – 3-е изд. - М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – Москва: «Эксмо – пресс», 1999. – 500 с.
3. Трофимова З.С. Словарь новых слов и значений. – Москва: «Павлин», 1993. – 813 с.
4. Beard H. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook, 2008. – 250 p.
5. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. – Second edition revised by Sir Ernest Gowers. – Oxford University Press, New York and Oxford, 1990. – 724 p.
6. Harper Collins “Doublespeak Defined”, 1999. – 234 p.
7. Holder R.W. A Dictionary of American and British Euphemisms. The Language of Evasion, Hypocrisy, Prudery and Deceit. – Bath University Press, 1999. – 408 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English — Pearson Education Limited, 2001. – 1752 p.
9. The American Heritage Dictionary - Pearson Education Limited, 1993. – 1200 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Осмонова Д.Э К вопросу о политической корректности // Вопросы эвфемии и политической корректности, 2011. №23. С. 24-28.-[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://nbisu.mou.su/_ld/7/771_Osmonova_D.E..pdf (дата обращения: 15.02.2016). (ER 1)
2. Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Коммуникативные особенности языка,2008. - №4. С.18-23. – [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.ksu.ru/science/news> (дата обращения: 19.02.2016). (ER2)
3. Answers about euphemisms. – [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.answers.com/topic/Euphemismus> (дата обращения: 01.03.2016). (ER3)
4. Doublespeak and double standards. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doublestandards.org/eufs.uk> (дата обращения: 03.03.2016). (ER 4)
5. Gender-inclusive Language - How to avoid sexism. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch> (дата обращения: 10.03.2016). (ER 5)
6. Guardian News and Media . - [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 12.03.2016). (ER 6)
7. Humor of language. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humor.about.com/od/euphemisms> (дата обращения: 13.03.2016). (ER 7)
8. Newspaperarchive. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newspaperarchive.com> (дата обращения: 19.03.2016). (ER 8)
9. Politics and World. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsgrounds.com> (дата обращения: 25.03.2016). (ER 9)
10. Wikipedia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.en.wikipedia> (дата обращения: 28.03.2016). (ER 10)